

18+

Юрий КАРАНИН

ЛУЧНИК

книга третья

в паутине
Зеркал

Юрий КАРАНИН

**Лучник. В паутине
Зеркал. Книга третья**

«Издательские решения»

КАРАНИН Ю. С.

Лучник. В паутине Зеркал. Книга третья / Ю. С. КАРАНИН —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-984038-7

В некой аномальной зоне, перекрывшей Гиперпространство, пропала группа Звездочки. На ее поиски отправился Лучник. И снова не только Петля Времени вмешивается в его жизнь. Дизайн обложки — Сара Ковтун (Познань, Польша). Книги серии «Лучник»: «Холодное Солнце Драмины», «Лабиринт», «В ПАУТИНЕ ЗЕРКАЛ», «Любый мой», «Под созвездием Волка».

ISBN 978-5-44-984038-7

© КАРАНИН Ю. С.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава первая	7
ГОСТЬ С НЕБЕС	7
1. «Ты свободен. Ибо...»	8
2. Опасения сбываются	13
3. К морю	19
5. Возвращение	28
6. Знамение	33
Глава вторая	38
У каждого своя дорога	38
1. От Тарраса одни неприятности	39
2. Аномалия	42
3. Выброс	45
4. Ву	46
5. Чужое имя	49
6. Сказка?	53
7. Вызов	55
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Лучник. В паутине Зеркал
Книга третья
Юрий Сергеевич КАРАНИН

© Юрий Сергеевич КАРАНИН, 2020

ISBN 978-5-4498-4038-7 (т. 3)

ISBN 978-5-4498-3917-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КАРАНИН Юрий Сергеевич

ЛУЧНИК

Фантастический роман в пяти книгах

112 авторских листов

Книга третья

15,4 авт. листа

ЛУЧНИК

КНИГА ТРЕТЬЯ

В ПАУТИНЕ ЗЕРКАЛ

Предисловие

Пожалуй об этом человеке в деревне быстро бы забыли. Мало ли сейчас вокруг обитает бродяг: само время, кажется, сошло с ума. Нет, конечно же, с ума сошли мы, и, удивительно, не поодиночке. Но «привычные» для глаза бомжи – все, как правило, чмо.

А этого старика, – даже это слово не годится для определения его жизненного статуса, – никто, почему-то, не решился назвать ни тем, ни другим. Одежда его, вероятно, прошла вместе со своим хозяином большой путь, но, тем не менее, была чиста и удивительно опрятна. Единственное, что смущало, так его ответы на многочисленные вопросы. Но они же порождали все новые и новые расспросы.

Да, и было отчего! Вряд ли у кого повернется язык, назвать этого человека умалишенным, – настолько ясным казался его ум. Если бы не его речь. Так, уж, выходило, что он – современник татаро-монгольского ига. Впрочем, одежда-то, кажется, соответствовала. К тому же он приводил о деревне такие данные, от которых местный самодеятельный краевед Степан Власов только ахал, да утверждающе кивал головой и потрясал какими-то бумажками.

Впрочем, и это – не великий повод для того, чтобы помнили. И даже то, что человеку позарез нужно было попасть на Враново болото, – тоже не повод. Правда, припомнили некоторые, что туда же о прошлом годе ушла и сгинула там бабка Алена. А ведь про нее же много расспрашивал тот человек.

Но многие свидетели еще долго помнили, как он уходил из деревни. Время было раннее, и работный люд еще только-только начинал стекаться к конторе. Зачем-то притащился и Николка-гебист, – наверное, опять требовать лошадь для перевозки сена.

– Душонка-то еще не горит? – От такого вопроса любого оторопь возьмет.

Никто и не заметил, как возле Николки оказался тот человек со странным именем Рошд, Амии. Чудное имя-то, не русское, а сам, как бы, местный, северный.

Конечно, поначалу-то все принялись озираться, кому такой странный вопрос предназначался, но потом никто и не задивился: Николку-то никто не любил, а многие и откровенно ненавидели, поскольку много, кому горя он принес своими доносами и оговорами.

Николка-то разом с лица и спал, только беззвучно раскрывал рот, словно задыхался.

– Пришел твой черед. Пришел. – И человек, не оглядываясь, пошел прочь, – по направлению к Врановому болоту.

Что произошло дальше, еще долго приводило людей в ужас. Николка, – вот ведь как жизнь-то оборачивается, – человеку за восемьдесят, а он – все Николка да Николка, – непослушно трясущимися руками еще долго пытался сунуть в рот сигарету. Потом несколько раз пытался прикурить, но спички почему-то гасли и гасли. Он уже решил бросить это бесполезное занятие, но, наконец-то, очередная спичка сберегла пламя.

Прикрывая ладонями огонь, Николка поднес руки к лицу, – и вдруг вспыхнул. Странно, но пламя сначала пошло, как бы, изнутри, и, лишь малость погодя, вырвалось наружу. Кто-то схватил пожарное ведро и, зачерпнув воду прямо из лужи, плеснул воду на Николку, но вышло так, как будто бы плеснул не воду, а бензин. И люди бросились врассыпную.

Говорят, у Николки выгорело все нутро. Было ли виною то, что Николка с Кощеем до полуночи распивали спирт, либо сказалось пророчество того человека, кто теперь скажет?

Глава первая

ГОСТЬ С НЕБЕС

1. «Ты свободен. Ибо...»

– Ты свободен.

Маленький звереныш рванулся, было, прочь, но его плечо пребольно сжала крепкая рука монаха.

– Он – свободен. – Повторил человек в монашеском одеянии. – Ибо у него нет выбора.

И монах, который выкупил мальчишку на невольничьем рынке, недовольно выпустил плечо из своей обширной ладони.

Мальчишка неуверенно попятился, но Главный, наверное, монах сказал:

– Ты – свободен. Можешь уйти, когда захочешь. А сейчас я приглашаю отобедать с нами. Путь тебе предстоит неблизкий, – негоже отправляться с голодным желудком.

После этих слов в животе мальчишки предательски забурлило, – и к горлу подкатила привычная в последние дни тошнота.

Сколько было этих дней? – мальчишка уже сбился со счета, хотя поначалу и пытался это сделать. И редко, когда удавалось поесть более-менее сытно.

Наверное, он должен был пропасть, оставшись один в этом чужом мире. Когда на их торговое судно напали разбойники, отец затолкнул Ванятку в какое-то узкое и темное помещение, насквозь провонявшее тошнотворными запахами, и приказал не высовываться, пока все не утихнет. И Ванятка сидел тише мыши. Затихло все не скоро, а, когда же все закончилось, – и Ванятка смог выглянуть из своего убежища, то слезы сами полились рекой. Приставали они к правому берегу Волги, а теперь судно стоит у левого, и вокруг странные люди, говорящие на чужом языке. На судне не оказалось ни одного человека, а на палубе было много крови. Потом уже двух, или трех матросов с судна он увидел в кандалах на невольничьем рынке, но отца среди них не было. А расспросить об отце не было возможности, – сам уже был в кандалах.

В кандалы он попал по глупой случайности. Сколько дней проплутал по берегу реки, Ванятка уже и счет потерял. Красть он не умел и не мог, да, и работник из него никакой в двенадцать-то лет, и от постоянного недоедания превратился в заморыша.

Но так уж вышло, что в одной из деревень, через которые он проходил, у кого-то в это же время что-то украли. «Само собой, разумеется, сделать это мог только бродяга». Особо и не разбирались, потому-то он и не узнал, что «украл». Ну, из острога-то он сбежал, зато, сразу же попал в лапы татарского отряда, направляющегося на Русь с очередным набегом. Его оставили живым, чтобы убил в тренировочном поединке кто-нибудь из молодых татар, – надо же на ком-то тренироваться. Но не напрасно, видимо, пошла наука деревенских боев, – одолеть его не смогли ни молодые, ни более опытные. И вскоре хан «смиловивился»: он сохранил мальчику жизнь, продал его другому хану, который гнал на невольничий рынок других рабов.

И теперь он шел туда, куда плыл вместе с отцом. Ему повезло, – он в первый же день приглянулся монаху, – и был куплен, говорят, за немалую плату.

После сытной трапезы Ванятка, тем не менее, решил уйти. И ушел бы. Но он уже знал про ущелье, – и потому страх родился прежде, чем он подошел к висячему мосту. И жуткие вопли он услышал задолго до того, как ступил на шаткий мост. Моста Ванятка не испугался, – не напрасно его считали самым отчаянным среди не только ровесников, но и тех, у кого уже пробивались усы.

Это позднее он узнал, что не следовало глядеть вниз. Но кто, или что может издавать такие вопли? И Ванятка глянул. И увидел тысячи кричащих ртов, тысячи переполненных болью глаз, тысячи тянущихся к нему рук. И ноги сами вынесли его обратно.

Но он все-таки ушел. Не сразу, а через десять, пожалуй, дней. Ушел, и ущелье его пропустило. Ушел, чтобы, проплыв еще столько же дней, и снова, едва не угодив на невольничий рынок, вернуться обратно. У него, действительно, был не слишком велик выбор. А в монастыре была еда. И еще, были книги. Множество книг, большей частью непонятных, написанных на чужих языках. И было еще одно, – небо было совсем близко, и до звезд, казалось, можно достать рукой. И их никогда не закрывали тучи.

Рош д, Амий перешел мост последний раз. Ужас, переполняющий ущелье, уже давно не пугал его, хотя на этот раз он, похоже, переходил все границы. Так, уж, повелось, что это ущелье считалось входом в Геенну огненную, где грешники отбывали свое наказание. Ох, и много же скопилось их за всю человеческую историю. Но до самого монастыря эти стоны почему-то никогда не долетали.

Рош д, Амий оглянулся на монастырь, – и сердце заныло, требуя вернуться назад, туда, где прошла почти вся его жизнь, Почти вся жизнь, – ведь «Ванятка остался на равнине», когда мальчишка вернулся в монастырь, чтобы начать иную жизнь. В монастыре он получил свое новое имя: Рош – от того, что он был русичем, а д, Амий – по названию рыбы, потому что умел выскальзывать из любого захвата, подобно ей.

Нет, конечно, он может вернуться: либо сейчас, либо после того, как выполнит чью-то странную волю. Воля, действительно, была странной – хотя бы потому, что неизвестно, от кого она исходила. С той поры, как небольшой камушек упал с неба. Камушек был невелик, и, если бы он не разбил первую линзу телескопа, его могли бы и не заметить, хотя красоты он был неопишуемой.

Работал с телескопом тогда Рош д, Амий. Но это и не удивительно, поскольку, большую часть времени в обсерватории проводил именно он. Впрочем, Рош д, Амий не сразу и понял, что произошло. Просто чудовищная сила вдруг сорвала телескоп со штатива и швырнула его чуть ли не на лестницу, ведущую в обсерваторию. Ничего не подозревающий Рош д, Амий быстро вскочил на ночи и водрузил телескоп на место, но, увы, телескоп был слеп. Это была ощутимая потеря для монастыря, – такие линзы стоили огромных денег, но не это повергло монастырь в скорбь и тревогу. Уже в следующую ночь почти все монахи увидели один и тот же сон. Немолодая, но все еще привлекательная женщина потребовала доставить некий ключ туда, куда ключ прикажет. Чем дальше, тем больше. Сон повторялся и повторялся, Дело дошло уже и до угроз. И тогда мастер Юалон пришел в келью Рош д, Амий.

– Я – в отчаянии, Рош д, Амий. Впервые за многие и многие годы я не нахожу себе места, Честно говоря, была у меня мысль бросить этот кристалл в ущелье, но вовремя понял, что это не выход. Да, и из ущелья понеслись невообразимые вопли. Так уж выходит, что кто-то должен доставить его по назначению. – Учитель раскрыл ладонь, и по кристаллу заметались отсветы пламени, перемежаясь с удивительными красками самого камня. Кристалл обнаружили при ремонте телескопа, – и уже тогда он поразил воображение переливами собственных радуг в темноте.

– Вы думаете, он и есть ключ?

– Думаю, да.

– Наверное, вы правы. Согласен, что кто-то должен сделать это.

– Ты. Никому другому я не могу поручить это дело.

Рош д, Амий, по обыкновению своему, решил выслушать своего учителя до конца, – и потому не перебивал.

– Это, во-первых. Во-вторых, как я понял, путь предстоит на Север. И кому, как не тебе, туда отправляться. Но мне очень тревожно. Сегодня утром был у меня Харлат. Так вот, каким-то образом, весть о кристалле просочилась во внешний мир. Харлата на обратном пути перехватили два монаха из монастыря Иблиса, и предлагали ему огромные деньги за кристалл, про

который, как ты понимаешь, Харлат ничего не знал. Сознаюсь, после его сообщения я и решил бросить кристалл в ущелье. Но это не спасло бы ни его, ни монастырь.

– Я готов, учитель, хотя и не совсем уверен, что это нужно сделать. И не знаю, как.

– Подожди, Рош д, Амии. Я горжусь, что ты все еще называешь меня учителем, хотя ты давно уже во многом превзошел меня. Но тебе предстоит нелегкий путь. Чтобы уберечь монастырь, дня через три-четыре мы будем вынуждены сообщить о твоей миссии. И, боюсь, на тебя начнется беспощадная охота.

А Рош д, Амии и сам хотел предложить это же.

– Я знаю, Рош д, Амии. И потому мне больно. Ты был самым способным моим учеником, – и теперь ты – мастер, и во многих науках превзошел меня. Но тебе будут противостоять не менее сильные маги. Кристалл, конечно же, не должен им достаться, но прошу тебя, если тебе будет грозить смерть, лучше его отдать.

– Все понятно, учитель. Но у меня есть просьба. Необходимо изготовить кристалл, подобный этому.

– Он уже почти готов. Точнее, несколько. – Да, за четверть века они уже достаточно хорошо знали друг друга, чтобы предугадывать мысли и решения.

Чтобы спуститься в долину, требуется долгий путь. Тропинка много раз будет петлять, и то, круто уходить вверх, где яростное солнце моментом обжигает незащищенные части тела, то, спускаться вниз, где никогда не истаивают туманы. Но Рош д, Амии давно привык к нему, оттого, несмотря на гнетущее состояние, шагалось весьма легко. К полудню он спустился в последнюю впадину.

И эта впадина была закрыта туманом. Здесь никогда не бывает ветра, – и потому воздух весьма ядовит. После нее всегда приходится подолгу отдыхать, пока легкие полностью не очистятся от него. Но все попытки найти обходной путь заканчивались безрезультатно.

Помимо спертого воздуха впадина имела еще одну неприятную особенность, – здесь, что днем, что ночью царил однотонная серая мгла. Но на этот раз здесь оказалось гораздо мрачнее. Все монахи старались поскорее миновать ее, но спешка неоднократно заканчивалась трагически, – в лучшем случае она приводила к ожогу дыхательных путей, но часто заканчивалась смертью. Тем не менее, Рош д, Амии, на сей раз, поторопился.

Странно, но, и поднявшись до середины горы, Рош д, Амии отметил, что светлее не становится. Тревожное предчувствие заставило ускорить шаг.

Но и на вершине светлее не стало. Наоборот, можно было видеть, как темнота тягучими волнами стекает на землю прямо с небес, – и уже поглотила только что неукротимое солнце. Конечно, за свою долгую жизнь Рош д, Амии приходилось неоднократно наблюдать солнечные затмения, но сейчас было нечто иное.

Продвижение вперед было сродни самоубийству, – и Рош д, Амии, с большим трудом отыскав участок с травой, опустился на землю.

А темень вокруг сгустилась настолько, что можно с уверенностью заявить, что наступила ночь.

Рош Д, Амии лег на спину, но сон, несмотря на усталость, не шел. Впрочем, наступила такая апатия, что и те мысли, которые спонтанно вспыхивали, немедленно же и гасли, подобно искрам костра ни сильном ветру.

Именно эти два факта и позволили воочию увидеть масштабы и ход разыгравшейся трагедии. Рош д, Амии увидел изменения в небе с самого начала. Впрочем, если бы глаза не были направлены в ту точку, где начало зарождалось свечение, он мог бы его и не увидеть. Но они смотрели именно туда, где возникла маленькая красноватая точка. Долгое время она не менялась, а потом вдруг пришла в движение. Но поначалу скорость была настолько мала, что это отозвалось в душе Рош д, Амии, прямо сказать, безразличием, – и, если бы было, на что смотреть, то он бы отвлекся. Но вдруг скорость резко увеличилась, – и вместе с ней начало расти

и пятно, быстро меняя окраску. Затем у пятна появился хвост, который начал стремительно расти в длину.

Все остальное произошло почти мгновенно. Кровавый шов рассек восточную часть неба, – и огненный шар ударил по горам.

Сомнений быть не могло: огненный шар ударил по монастырю. Земля многократно содрогнулась, – и Рош д, Амий вскочил на ноги.

Монастырь был уже далеко, но Рош д, Амий увидел все происходящее, как на расстоянии вытянутой руки.

Шар ударил в обсерваторию, – и башня взорвалась, засыпая камнями кельи монахов. Крыши не были рассчитаны на такое, и оттого мгновенно покрылись огромными дырами. Возможно, монахи погибли, или были ранены, сразу же, поскольку во дворе показались всего пять-семь человек.

И вновь земля содрогнулась, зримо вздыбилась, довершая начатое разрушение.

Конечно, все это длилось секунды, а, возможно, и доли секунды, потому-как шар еще не успел погаснуть. Наоборот, его жар достиг библиотеки, – и Рош д, Амий увидел, как рухнуло ее строение, и книги, которые не горят, вспыхивали словно солома.

Он был готов метнуться обратно, но в голове возник голос учителя:

– Здесь ты ничем не сможешь помочь. Удар пришел с неба. Монастырь полностью разрушен. Мост разорван, Скала – вся в трещинах, и, наверное, скоро разрушится. Надеюсь, если ты выполнишь свое предназначение, наша гибель будет отомщена.

Ноги Рош д, Амий подкосились, – и он тяжело осел на горячий камень. А перед глазами замелькали разноцветные круги. Мир, которому он посвятил свою жизнь, рухнул, рухнул в одночасье. Пропала великолепная библиотека, которую монастырь собирал больше века, пропали артефакты, которым нет цены. Но главное, погибли люди, – по сути, братья, о цене которых, вообще, кощунственно рассуждать.

И всему виной, – а в этом Рош д, Амий был абсолютно уверен, – был этот кристалл. И Рош д, Амий едва не сделал непростительную глупость: он вынул из обширного кармана заветную шкатулку и уже, замахнулся, было, чтобы швырнуть ее в пропасть. Но рука замерла в конце замаха, а затем медленно опустилась. «Надеюсь, ты выполнишь свое предназначение»

Темнота продлилась, наверное, три дня. И все три дня горы часто сотрясались, и все три дня там, где был монастырь, ввысь извергалось пламя. Рош д, Амий невольно пришлось оставаться на месте, – поскольку, путь пролегал через очень опасное ущелье, где и в светлое-то время можно голову свернуть. И только на третий день, согласно его подсчетам, он смог двинуться дальше. Но весь последующий путь проходил, как бы, в тумане, и Рош д, Амий сумел опомниться только перед последним спуском.

Он опустился до ущелья, и остановился в нерешительности. Не из-за ущелья, конечно же, Внизу тропинка расходилась на три, – это он знал по нередким «походам в мир». Точнее, она пересекала два караванных пути, первый привел его сюда, – и, возможно, по нему он и должен покинуть прежнюю жизнь. Но сознание подсказывало, что, если его и будут поджидать, то именно там. Другой ее конец уходил в земли, как он знал, чуждые, где жизнь человеческая ценится не выше, чем горсть песка. И хотя этот путь и называли караванным, но он существенно отличался от другого, истинно караванного, спрессованного сотнями, тысячами копыт. Странное дело, в районе горы он, на памяти, никогда не переметался песками, и напоминал, скорее, ущелье, нежели открытую всем ветрам дорогу. Но через сотню – другую верблужих шагов, как только он поворачивал на север, его характер круто менялся, – и скоро, очень скоро, его след терялся, – и лишь проводники могли отыскать его жилку.

Правда, выбор не за ним, а за кристаллом, – ведь так требовала та женщина. Но космический гость молчал.

2. Опасения сбываются

1

Шок от последних событий, бессонница в последние дни и неизвестность грядущего привели к тому, что Рош д, Амии, укрывшись от палящего солнца под непривычно высоким для этих мест кустом, уснул. И впервые за последние два десятков дней ему не приснилась та женщина, – ему, вообще, ничего не приснилось.

И проспал он довольно долго, – проснулся, когда солнце успело уже скатиться за вершину горы, располагавшейся сзади и слева от него. Проснулся от необъяснимой тревоги. Впрочем, почему – необъяснимой? Жизнь перевернулась – и одно только это – источник не одной, а многих тревог.

Есть не хотелось, но он, все же поел козьего сыра и запил его козьим молоком, – сил уже потрачено немало, да, и дальнейший путь не будет легким. Интуиция подсказала, что идти придется через пустыню, хотя сердце звало в город, где есть возможность найти попутный корабль.

Тропа уходила в ущелье, – не то, которое располагалось под монастырем, но не менее величественное, – Рош д, Амии, в очередной раз, почувствовал, насколько он слаб перед грозными силами природы. И не менее опасное, – здесь возможно все: и падение камней сверху, и вероятность рухнуть вниз с внезапно сдвинувшимся с места каменным завалом, и укусы змеи, притаившейся в какой-нибудь расщелине.

В общем, ожидать можно было всего, но уж никак не того, что его будут ждать именно здесь. Но его ждали. В ущелье. И это были монахи из монастыря Иблиса. Многие считали странным, что они поклонялись мусульманскому святому, хотя сами и не были мусульманами. Но это был «сильный» монастырь, а многие монахи обладали Большой Силой.

– Отдай то, что тебе не принадлежит, – и ты уйдешь с миром. – Голос был крепок, но, тем не менее, и доброжелателен.

Он насчитал пять человек. Четверо находились на возвышении метрах в тридцати, вооружены мощными луками. Пятый стоял в метрах десяти от него. Лука он не имел, но, наверняка, имел что-то, не менее опасное.

Увы, после гибели монастыря собственная жизнь уже не имела ценности.

– Разве это предназначено вам? – Рош д, Амии тоже умел выражать доброжелательность, при этом тело уже наполнилось Готовностью.

– Конечно. Иначе бы мы не пришли сюда. – Доброжелательность пока преобладала, лишая Род д, Амии возможности окончательно мобилизоваться.

– А мне известно иное. – Начал упорствовать Рош д, Амии, но ему не дали договорить:

– Это неверное знание. Но мы повторяем свое предложение. В противном случае...

Рош д, Амии увидел, как взметнулись луки. Напрасно. Он мысленно ударил в отчетливо видимую трещину под площадкой, на которой стояли Лучники, – и трещина разверзлась. Наверное, последователи Иблиса и не поняли, как площадка ушла из-под ног, – во всяком случае, они упали в провал безмолвно.

Но пятый монах тут же метнул странный блестящий предмет, от которого Рош д, Амии едва-едва успел уклониться. Монах тут же мгновенно извлек второй, но воспользоваться им уже не успел. Камни под его ногами пришли в движение, – и он последовал за той четверкой.

Весь дальнейший путь по ущелью Рош д, Амии проделал настороженно, но больше никого не встретил. Не было никого и на равнине, – вероятно, последователи Иблиса считали, что пятерых вполне достаточно.

Это вселило уверенность в Рош д, Амии, и, чуть было, не сослужило «медвежью услугу». Решив рискнуть, он направился в порт, и это было роковой ошибкой. Хорошо еще, что он

вовремя увидел засаду. Его, кажется, не так и ожидали, – и особенно не прятались. Но, все равно, ему пришлось долго скрываться, а потом, всеми правдами и неправдами, бежать из города.

Видимо, отныне риск становится непременным атрибутом его жизни. Вот, и снова пришлось рискнуть. Идти пешком в пустыню даже по караванному пути – настоящее безумие. Пришлось наведаться в караван-сарай. К счастью, там у него имелись несколько знакомых, и туда поклонники Иблиса пока не наведались, что дало возможность и приобрести верблюдов, и нанять проводников. К тому же ему повезло и вдругорядь, – как раз в его сторону направлялся большой караван. Конечно, не совсем в его сторону, но, по крайней мере, вдоль моря он пойдет не один, правда, к морю караван не пойдет. На вопрос «почему?» следовали два пугливых ответа: «Ховос шамоли», либо «Кара-буран».

2

Только после многих дней утомительного пути он понял, насколько рискованным было его решение. Если бы не караван, давно бы обгладывали его кости пустынные ветра. Проведя большую часть жизни за учеными книгами, Рош д, Амий почти ничего не знал ни о степной, ни о пустынной жизни. А это была совсем другая жизнь, тяжелая, опасная, полная всяческих лишений. Но караванщики, похоже, и не представляли иной. Высушенные беспощадным солнцем и ветрами, да побитые жестоким песком, они умели при любом подходящем случае веселиться и радоваться жизни.

И, все же, как ни старался Рош д, Амий, но он все никак не мог постичь хотя бы частицу их умения ориентироваться в бескрайних, однообразных просторах пустыни. Сколько уже раз ему приходилось замечать, как след, оставленный караваном, начисто исчезал после очередной песчаной бури. Но караван шел и шел, а каждый раз точно выходил либо на очередной караван-сарай, либо колодец.

Увы, Рош д, Амий не смог постичь еще одну житейскую мудрость – примириться с пустыней, – возможно, потому что очень уж хотел попасть на море. Но караванщики в один голос отговаривали его от необдуманного желания одному отправиться к морю. «Кара-буран». «Кара-буран». Черная буря. И это, наверное, единственное, что пугало караванщиков. Нет, было еще одно – «ховос шамоли».

– Но, разве, на вашей тропе не бывает черной бури? – Удивлялся Рош д, Амий.

– Почему же не бывает? – Удивился старший караванщик. – Бывает, Каждый раз бывает. Бывает, и верблюд падет, и человек гибнет, на все воля аллаха. Но большинство выживают. А там злой ветер забирает целые караваны.

Наверное, потому и не смог Рош д, Амий примириться с пустыней. Черная буря настигла караван и на этот раз. Настигла всего в полудне хода до очередного караван-сарая.

Но еще за три дня до этого забеспокоились верблюды, – и сразу же в сторону запада начали тревожно поглядывать караванщики и погонщики, начали торопить верблюдов. А следом, едва солнце вошло в зенит, западный ветер принес труднопереносимую духоту.

Рука Рош д, Амий сама потянулась к бурдюку, но ее остановил оказавшийся рядом старший караванщик:

– Не делай этого, – оно только увеличит твои мучения. Потерпи, – и скоро станет легче. – И, не оглядываясь, поехал дальше, вернее, в конец каравана, который невнятно переливался в уплотнившемся воздухе. Потом и солнце опустилось в это марево, но духота все не спадала, хотя прав был караванщик, жажда притерпелась, – и к Рош д, Амий вернулось состояние равновесия.

А следующий день оказался, как две капли воды, похож на предыдущий. Возможно, духота наступила чуть-чуть раньше. А, вот, верблюды словно обезумели: они то еле-еле передвигали ноги, то пускались в бег. Да, и его проводник запричитал, – но в его словах Рош д, Амий смог различить только часто повторяемое: «Ховос шамоли».

Третий же день начался с громких криков верблюдов, – вернее, крики начались еще до рассвета. Но еще раньше ушей Рош д, Амии достиг монотонный не то гул, не то свист. Впрочем, даже не ушей, – этот звук неприятной опухолью поселился в самой голове.

Верблюдов не надо было подгонять. Они едва ли не рысью рванули вперед.

И вдруг караван резко остановился. Верблюды, невзирая на усилия погонщиков, сбились в кучки, затем дружно повалились на горячий песок.

На первый взгляд, странно повели себя и люди. Торопливо стреножив верблюдов, они начали укладывать бурдюки с западной, то есть с подветренной стороны верблюдов. То же самое сделали и проводники, нанятые Рош д, Амии.

А свист все усиливался и усиливался, но теперь он достиг и ушей. Рош д, Амии посмотрел на запад, – и ужаснулся: желто-коричневое облако уже заслонило весь горизонт. И вместе с ним к свисту присоединилось монотонное завывание. Рош д, Амии невольно оглянулся. А это и караванщики, и погонщики упали на колени и молились. Молились до той поры, пока не хлестанули первые струи песка. Молитва разом прекратилась. Молящиеся торопливо воткнули посохи в песок, и, с головой закутавшись в свои плащи, свернулись безжизненными клубками возле посохов на своих ковриках.

Последовав их примеру, Рош д, Амии завернулся в свой плащ, – и тотчас сам почувствовал себя малой песчинкой в этой, настигшей его, стихии. Он всем телом ощущал, как ветер, несущий всепроникающий песок, настойчиво обгрызает его ненадежное убежище. Единственное, на что был сейчас способен Рош д, Амии, создать вокруг себя некоторое подобие кокона. Но и он постоянно рушился под натиском стихии, – и Рош д, Амии приходилось строить его снова и снова, пока сам не забылся в беспокойной дремоте.

Ураган продолжался более двух суток, – и стих разом, будто бы и не было его. Рош д, Амии очнулся от того, что почувствовал, как с него начали сгребать гору песка.

Рош д, Амии торопливо поднялся, и увидел, что весь лагерь пришел в движение: те, кто смог выбраться из песчаного плена, помогали сделать это другим, над кем возвышались внушительные барханы. И он тоже включился в общую работу.

Увы, не обошлось без потерь: пали три верблюда. Кому-то не повезло, – в караване есть запасные верблюды, и до караван-сарая поклажу доставят. Но, если у караванщика не на что купить себе других верблюдов, ему (или, им) придется продать свой товар в караван-сарая. И, все же, радовались даже те, два, бедолаги, потерявшие верблюдов, – потому что сами-то выжили в ховос шамоли.

Но Рош д, Амии вдруг стал ощущать на себе косые взгляды. Он оставался в неведении, пока, уже в караван-сарая, к нему не прибежал шустрый мальчишка. – Тебя позвал к себе Шамалайбек.– И больше ничего не сообщив, убежал.

Старший караванщик, протянул Рош д, Амии пиалу душистого чая, но речь свою долго не начинал.

– Ты – друг моего хорошего друга, поэтому ты останешься с караваном, но больше никогда не делай этого в пути.

– Чего? – Не понял Рош д, Амии.

– Колдовства. Некоторые утверждают, что это ты вызвал ховос шамоли. Я понимаю, что это не так, но я не могу допустить смуту в караване.

– Если потребует, я уйду. – Повинился Рош д, Амии.

– Я сказал, ты останешься с караваном.

Увы, с этого момента полоса везения, похоже, закончилась. По возвращении от старшего караванщика неожиданно взбунтовался один из его проводников. Ни с того ни с сего, он начал требовать, чтобы Рош д, Амии выделил ему дополнительную плату за свою работу. Второй проводник, – или, скорее, погонщик, был угрюм и неразговорчив.

– Я подумаю. – Сказал Рош д, Амии первому, и отправился на постоянный двор караван-сарая, чтобы понять, что происходит. Естественно, знания он использовать не мог, – пришлось довольствоваться косвенными признаками.

Впрочем, ему повезло еще раз. В чайхане к нему подсел человек явно русского происхождения. Но, хоть, и заговорил он по-русски, в его говоре чувствовалось долгое отсутствие на родине. Оказалось, что он – из команды расшивы, которую нанял в свое время отец.

– Тобой, земляк, тут кое-кто очень уж сильно интересовался. – Впервые услышав слово «земляк», Рош д, Амии не сразу догадался, что человек обращается к нему, потому-как, взгляд его отсутствовал, а сам человек беспрестанно оглядывался.

А человек, похоже, не ждал быстрой реакции:

– Своему Самару не верь. Он не раз якшался с теми человеками, и, думаю, в любой момент сдаст тебя со всеми потрохами.

– Что им надо? – Рош д, Амии поддержал «игру», – и спросил, не глядя на собеседника.

– Точно не знаю, но, как я понял, какой-то камень, который принадлежит не тебе. – Ответил человек. – Я не хочу впутываться в ваши дела, но помочь тебе меня попросил Казурайбек. – Человек одним глотком допил свой чай, ловко поднялся на ноги, и, не оглядываясь, ушел из чайханы.

Рош д, Амии задумался. Казурайбек – второй караванщик, по сути, равный старшему. Вполне возможно, он тоже – друг его друзей, либо, началась тонкая восточная игра.

Вернувшись к своим верблюдам, Рош д, Амии заметил, что в его выюках кто-то рылся, причем, торопливо и неумело.

Караван-сарай – это не караван, где все подчиняется не писаным законам кочевой жизни. Там тебя не убьют, не обворуют, а разбойники не слишком часто нападают на караваны. В караван-сараях эти условности не действуют. Об этом ближе к вечеру напомнил Шамалайбек, проходящий мимо временного пристанища Рош д, Амии и предложил:

– Может быть, переберешься ко мне, – там и тебе, и мне будет спокойнее? Мы пробудем здесь еще дня два – три, пока не убедимся, что не встретимся с ховос шамоли, либо с карабураном. В этой части пути они встречаются реже, но однажды я там потерял десять своих верблюдов и трех погонщиков, а еще раз там пали четыре верблюда и три лошади. С тех пор я боюсь этого перегона. – И повторил свое предложение. – Перебирайся ко мне.

– Извини, уважаемый Шамалайбек, я очень ценю вашу заботу. Но, если что-то предпримут против меня, то она не спасет меня, но лишь осложнит вашу жизнь. Я – гол, как сокол, а у вас – семья, – и потому ваша жизнь ценнее. Но я осмелюсь попросить вас о помощи: мне нужен проводник до моря, вернее, до пристани.

Шамалайбек несколько помрачнел, надолго задумался, потом довольно неохотно проговорил:

– Проводника найти можно, сложнее – найти надежного. Если ты, все же, решил уйти, – уходи один. Поменяй верблюдов на коня. Кстати, Намулсин охотно их у тебя купит. До моря – переход – не больше суток. Но, говорят, если не завтра, то послезавтра, ожидается кара-буран. Решать тебе.

А события продолжали стремительно развиваться. После очередных претензий Рош д, Амии отказался от услуг обоих проводников, продал всех своих верблюдов и договорился о покупке коня. Следующее утро принесло плохую весть: ночью пал конь Тамуракана, – и поползла по караван-сарая сплетня, что виной этому Рош д, Амии.

И Рош д, Амии, не прощаясь, покинул караван-сарай, невзирая на то, что ветер резко сменился на юго-восточный, – а это только подтверждало приближение кара-бурана.

Конь поначалу недоверчиво озирался на нового седока, но быстро привык, и, поскольку, движение было по ветру, бежал сноровисто и уверенно. Рош д, Амии немного опасался, что близость к морю снова принесет изнуряющую духоту, но получилось все совсем на оборот.

Воздух стал необычно сух, – сух настолько, что Рош д, Амий явственно ощутил, как из тела уходит вся жидкость, – нет, не потом, но испаряется незримо, но непреклонно. А солнце-то еще и не достигло зенита.

Ближе к полудню стало еще нестерпимее, – и конь, видимо, своим особым зрением увидев в стороне от их пути деревья, с места рванул в галоп. И ничто не могло его остановить.

Возможно, это и продлило жизнь его седока. Добежав до зарослей, конь еле-еле дождался, когда седок спешится, и сразу же принялся щипать редкую грубую листву. Рош д, Амий снял с седла торбы и тоже достал свою нехитрую еду – сушеное мясо и верблюжий сыр.

Видимо, конь неоднократно бывал здесь. Иначе, как объяснить, что наевшись листвы, конь ходко пошел в другой конец рощицы и принялся... пить воду.

Рош д, Амий подошел к нему. Конь подозрительно покосился, но своего занятия не прекратил. Под его головой совсем близко блестела вода, и уровень ее не падал.

Вдоволь напившись, конь отошел в сторону, уступив колодец своему седоку.

Вода была солоновата и горьковата, но не более чем в караван-сараях, и была удивительно прохладна.

Конь снова принялся жевать листья, а перед Рош д, Амий встала задача – продолжить путь, или дождаться, пока жара не спадет.

Но у природы были свои планы. Юго-западную часть неба неожиданно быстро заволокла желтая туча, – и тут же завыл ветер, и застонали деревья. Рош д, Амий на миг показалось, что в небо начала уходить земля, точнее, песок. И вдруг песок с земли и... песок с неба слились в ужасающую круговерть. И мигом стало нечем дышать. Рош д, Амий не сразу, но догадался намочить платок, – и, хоть как-то, защитить обессиленное нутро. А там уже стоял конь. И он нашел свое мудрое решение, просто опустив морду с воду. Конечно, он позволил намочить платок, и снова занял прежнюю стойку.

И все-таки не зря говорят, что степные кони – чрезвычайно умные животные. Конь Рош д, Амий принадлежал к этой категории. Он вдруг подогнул колени и опустился на песок, после этого призывно заржав. Надо думать, что его к этому приучили, но ведь Рош д, Амий не был тем хозяином и учителем.

Рош д, Амий спрятался за крупом коня, – и это было настоящим спасением. Он ветра, который непрерывно менял направление, спрятаться, конечно, не удалось, но, зато, не было убийственной сухости.

А Рош д, Амий умудрился задремать. И вдруг конь вскинулся и, громко и отчаянно заржав, не разбирая пути, метнулся из рощицы. И тотчас стала ясна причина этого: змея, ужалившая коня, еще не успела скрыться в зарослях.

Рош д, Амий тревожно осмотрелся, – и, несмотря на иссушающую жару, почувствовал в спине противный холодок, – вокруг расположилось не менее десятка змей, а одна примостилась прямо на его вьюке.

Непослушными, трясущимися руками Рош д, Амий разжег факел, при этом молчаливо благодаря Всевышнего за то, что надоумил положить факел рядом с собой. Факел удивительно быстро вспыхнул, и Рош д, Амий удалось отогнать угрожающе шипящих змей на безопасное расстояние, но о дальнейшем сне не могло быть и речи.

Да, и о каком сне она может идти, если, едва село солнце, ветер принес пронизывающий холод. Конечно, в рощице можно было найти сушняк. Но, во-первых, его было мало, и он плохо горел, и, во-вторых, вокруг ползали змеи. И хотя с наступлением холода они стали малоактивны, но это, отнюдь, не исключало, что стали малоопасными.

Как и предполагал Рош д, Амий, как только костер разгорелся, змеи приблизились к теплу. Так он и провел ночь: то сидел, привалившись спиной к стволу дерева, то хватался за факел, чтобы найти топливо для костра.

И, все же, с приходом холода постепенно стих и ветер. Небо посветлело, – и можно было надеяться, что буря исчерпала свои силы.

О восходе солнца можно было догадаться по поведению змей. Оно еще только-только осветило горизонт, а они уже поползли из рощицы, чтобы занять места на барханах.

Поспешил и Рош д, Амии. Наскоро пожевав сушеного мяса, запивая его водой из родника, он отправился в пеший путь. Выжил ли его конь, было трудно предположить, но и искать его не было ни сил, ни времени. И совсем невозможно было решить, в которую сторону идти. И, все же, Рош д, Амии решил идти к морю.

Увы, прохлада быстро сменилась иссушающей жарой. Воздух снова стал плотным, и наступила духота, как перед ховос шамоли. Впрочем, для Рош д, Амии совершенно не имело значения, какая буря придет на смену прежней. Но пока еще царило полное безветрие. И это не облегчало судьбу путника. Голова отяжелела, а ноги стали ватными, и Рош д, Амии уже не шел, а брел, с трудом переставляя ноги.

Наверное, безумие начинается с того, что путник начинает считать шаги. Решив пройти тысячу шагов, а потом отдохнуть, Рош д, Амии сделал первый шаг к нему. Сколько он сделал шагов, он вскоре забыл, начал считать снова, и вновь сбился со счета.

Да, и к чему считать, если море, вот оно, рядом.

Дошел. Море переливалось, пожалуй, в версте от него. А на волнах качались лоды и расшивы.

А у Рош д, Амии не было сил даже обрадоваться.

И не нашлось сил расстроиться, когда, не весть, откуда, прилетевший ветер стер море с лица земли. Да, и какой смысл расстраиваться, если еще одной бури уже не пережить. Разве что, даст этот шанс шатер, оказавшийся впереди, прямо по курсу.

Увы, шатер не оказался миражом, как не был и шатром. Невысокая скала в форме правильной пирамиды, конечно, может защитить от лучей палящего солнца, впрочем, как и он ветра. Но это лишь продлит агонию иссыхающего тела и умирающего сознания.

Солнце уже перевалило на запад, – и скала отбрасывала короткую мережную тень, но песок все еще обжигал даже через коврик. Но это уже не было болью. Слишком безучастно Рош д, Амии посмотрел на выбеленный ветрами и солнцем скелет, лежащий на расстоянии вытянутой руки, и так же безучастно подумал, что у этого бедолаги скоро появится сосед.

И уже на грани потери рассудка Рош д, Амии руками вырыл в песке ямку впритык к скале, а там, в скале, оказалось небольшое углубление. Он засунул туда злополучный кристалл, и разровнял песок. Конечно, он не мог бы объяснить, зачем он это делает. Хотя? Хотя, вполне возможно, эта скала и является конечной целью его путешествия, – слишком уж правильная эта пирамида, чтобы быть произведением дикой природы.

Вяло допив едва не горячую воду, Рош д, Амии сразу же провалился в глубокое забытье.

3. К морю

Ветров бывает множество – как по силе, так и по характеру. Был ли самым страшным этот, кто знает? Но он, как пушинку, подхватил безвольное тело путника и метнул его в

Нет, Рош д, Амий не погиб, падая с большой высоты. Гибель, видимо, надо еще заслужить.

Правда, там, куда швырнул его ветер, не было ни изнуряющей жары, ни всепроникающего песка. Нет, это, всего скорее, походило на жидкую серую массу, – возможно, серую глину.

«И замесил Господь глину, и сотворил из нее Человека по образу и подобию своему».

– Кто это сказал?

Увы, ответа не было. Видимо, сам и сказал, припоминая легенды о сотворении мира. Один он был, как перст один. И вокруг только одна серая масса – без низа и верха, без ширины и всего того, что присуще материи. Идти в ней невозможно, можно только плыть. Знать бы, куда!

Впрочем, вскоре обнаружилось у массы и обнадеживающее свойство – движение. А, если есть движение, значит, что-то куда-то течет. И, по сути дела, важно ли, что тебя там ждет?

«Геенна огненная тебя там ждет».

«А что хуже? Здесь-то тоже не сахар».

«Это уж точно, не сахар. Провести целую вечность в забвении – не лучшая участь».

«А если против течения?».

«Странный ты человек. Там прошлое, но ведь его уже не существует. Думай, голова, – шапку куплю».

«А если поперек течения?».

«Ну, догада, – так догада. А что изменится? Только силы истратишь».

Конечно, и по течению плыть оказалось непростой задачей. Пока находился в бездействии, серая масса не мешала дыханию, но теперь она сначала забила ноздри, а потом полезла и в рот. Но Рош д, Амий упорно двигался вперед.

«А если по кругу? Ладно, ладно, шучу. Выбирайся. Уже приплыл»

«Куда приплыл?»

«А куда плыл-то?»

Рош д, Амий сделал судорожный гребок, – и... выпал на берег лазурного моря.

На камне восседал

– Привидение я. Настоящее привидение. Откель догадался, сюда плыть? – Поверить, что перед ним привидение, было неловко.

– А чего неловко-то. Я не обидчивый. Люблю, конечно, подурачиться, но это так редко получается. Сюда, вообще, никто не заглядывает, да и пирамиды эти стороной обходят. Редко кто бывает. Хотя погодь-ка. Вот, нечестивцы.

У пирамиды переругивались несколько путников. Вернее, переругивались трое, а остальные разбрелись по долине. И еще один лежал на коврике у подножия пирамиды-скалы.

(Рош д, Амий не надо было приглядываться, – это был он, вернее, его тело).

Один из троицы с кривой саблей в руке порывался к лежащему у скалы телу, а ему дорогу преграждали двое других.

– Оставь, господин, этого несчастного в покое. Его дух и тело уже принадлежат хозяину этих святых скал, духу пустыни.

– Кто вы такие, чтобы мне указывать. Если я решил отрубить ему голову, я сделаю это. И мне плевать на ваши предрассудки.

– Нет, господин. – Оба проводника упали на колени. – Не делай этого. Свое ты уже взял. Все остальное принадлежит духу пустыни.

– Отойдите прочь, несчастные. Иначе первыми спадут ваши головы. Нет никакого духа пустыни.

– Ах, ты. – Привидение на камне вдруг истаяло, чтобы возникнуть над пирамидой.

– У-а-ха-ха-ха! – Прозвучал над пустыней громогласный возглас, – и проводники разом пали ниц.

Но монах, – а у Рош д, Амии сомнений в этом не было, – оказался не из пугливого десятка. Отбросив под ноги саблю, он тут же скатал между ладоней желтый шар и метнул его в привидение. Но шар, искрясь и потрескивая, завис над пирамидой, и тут быстро перетек в пирамиду через ее вершину.

Но монах уже приготовил новый шар, и, сильно размахнувшись, снова послал шар в привидение. Увы, этот шар постигла та же участь, но привидение исчезло.

– Ну, держись! – Послышался смешок рядом с Рош д, Амии. Рош д, Амии оглянулся. Привидение снова восседало на своем камне.

Довольный монах нагнулся за своей саблей, но в этот момент из пирамиды выскользнула молния и ударила в саблю. По металлу прокатилась голубоватая вспышка, – и от сабли осталась только кучка дымящегося пепла.

От хлесткого хлопка стреноженные кони метнулись прочь, но проводники были начеку, – и сумели быстро их отловить.

Монах не заставил себя повторно уговаривать, и, крайне недовольный и понурый, позволил водрузить себя на коня.

– О-хо-хо! – Вздохнул призрак. – Слаб пошел человек. Слаб. Так, чего говоришь, он забрал у тебя? Кристалл?

Рош д, Амии ничего не говорил о кристалле, но призраку, похоже, этого и не требовалось.

– А ведь прознают они, что кристалл ложный. – Между тем продолжал призрак. – Да, и пирамиды открывать рановато. – Он почесал себе «затылок, и вздохнул. – О-хо-хо! Дела наши грешные. Не по нутру мне такие развлечения, не по нутру, да что поделаешь.

Конный отряд отъехал уже довольно далеко, но был виден, как на ладони.

– Покажи камушек-то. – Сказал уже знакомому монаху другой, и, похоже, тоже монах.

Первый монах достал из-под белого плаща небольшую шкатулку:

– Я еще и сам не видел.

Шкатулка была с секретом, но монах быстро разобрался, что к чему, – и на солнце блеснули своими гранями два кристалла.

– Почему два? – Удивился второй монах.

– Один, надо думать, ложный.

– Стекло?

– Всего скорее, нет. Те монахи знали свое дело. Такую пустышку они вряд ли бы подсунули. И цена его тоже немалая.

– Ох! Напрасно он это сказал. – Вздохнул призрак.

Разом сверкнули на солнце два лезвия сабель, – и первый монах, обронив шкатулку, упал под ноги коня. А владельцы предательских сабель метнулись поднимать кристаллы.

Увидев такой оборот дела, проводники переглянулись, – и их кони рванули в карьер.

– Куда? – Крикнул один из монахов.

– Пусть скачут. – Пренебрежительно махнул рукой другой. – По их следам дорогу найдем.

– О-хо-хо! – Захихикал призрак. – У пустыни хорошие метелки. А те монахи, и в самом деле, знали свое дело. Такие камешки напрасно пропадут. – Он неторопливо соскользнул с камня, и махнул рукой. – Проводники ничего не утаят.

Призрак нагнулся и вытащил из-под куста котомку:

– Пошли ко мне, потолкуем.

– А ... – Засомневался Рош д, Амии.

– Тело твое пирамида постережет. – Понял с полуслова призрак.

И только теперь Рош д, Амий понял, что он тоже – призрак. Но желание залезть в воду не пропало.

– Так, иди, искупайся. Не утонешь, чай. А то я утопленников боюсь до смерти. Иди, иди. Легче станет. – И призрак вернулся на свой камень. – Меня Милеем кличут. Но можно и Карачуном. Зови, как хочешь, – я не обижусь. А ты, стало быть, Тихомир?

– Я? Я ... – И он вспомнил.

– Тихомир! Тихомир. – Глухо звала бабушка, разметавшись в бреду по кровати, а Ванятка тихонько плакал, спрятавшись за кадушкой из-под огурцов. В свои неполные восемь лет Ванятка насмотрелся всякого, – и теперь понимал, что любимая бабушка умирает.

Тряпочки, которые он недавно поменял на горячечном бабушкином лбу, упали на пол, но Ванятка боялся выбраться из-за кадушки.

– Тихомир. Тихомир. – Продолжала звать бабушка, но голос звучал все глуше и глуше. А Ванятка не знал никакого Тихомира, да, и бабушка ни разу не называла такого имени. Память у Ванятки хорошая, – он бы запомнил. Он все еще помнит все истории, которые рассказывала бабушка.

Ванятка увидел, как на лице бабушки выступили крупные капли пота, и, не выдержав, выбрался из-за своего укрытия. Бабушка открыла глаза, и взгляд ее прояснился. Она взяла Ванятку за руку и прижала ее к своей груди. Ванятка, было, обрадовался, что бабушке стало легче, но тут же испугался, когда бабушка Макрида теперь уже его назвала Тихомиром. Он попытался вырвать руку, но бабушка руку не выпустила.

– Бабушка, я не Тихомир, а Ванятка. – Заплакал Ванятка.

– Послушай, внучек. – Прерывистым голосом прошептала бабушка. – Мать – Сыра Земля нарекла тебя Тихомиром. Слушай ее. Видать, не пришел мой час сослужить службу верную. Тебе она досталась. Тебе да Варваре.

Бабушка замолчала, и Ванятка решил, что она уснула. Он осторожно потянул руку, но бабушка открыла глаза.

– Я не сумела победить Черного Зверя. Земля сказала, что это сделаешь ты.

– Я? – Испугался мальчик. – Я... я не смогу.

– Черного Зверя. Запомни, Черного Зверя. – Шептала бабушка, – и Ванятка видел, что силы оставляют ее.

– Я не знаю никакого Черного зверя. Бабушка, прошу тебя, не умирай.

– Не торопись, и не задавай ненужных вопросов, о чем еще не ведаешь. Всему свое время.

Бабушка закрыла глаза и снова горячечно зашептала:

– Прости, Мать – Сыра Земля. Не убереглась я. Позволь передать Силу внуку нашему, нареченному Тихомиром.

Чудно и страшно стало Ванятке. После последних слов бабушки заходила ходуном изба, лопнули бычьи пузыри на окнах, и в комнату проник ослепительный свет, какого не видел Ванятка и на воле. Этот свет достиг кисти бабушкиной руки, – и Ванятка почувствовал, как по его руке заструилась приятная щекотка.

Потом бабушкина рука безжизненно упала, – и Ванятка, испугавшись, выбежал на улицу. Он успел увидеть, что около дома угасает невиданный свет, а потом все пришло в норму.

Уже когда хоронили бабушку, в голове Ванятки сами собой возникли странные слова: «Прости меня, внучек. Не удалось мне одолеть врага проклятого. Живучим он оказался. Теперь же это – твоя доля. Уже никто, кроме тебя, не одолеет его. А, если ты не одолеешь, конец придет всему роду земному.

– Верно. Так оно и было. – Подтвердил призрак, Милей то есть. – А ты, стало быть, запамятовал? Бывает. Не все можно и нужно постоянно помнить. Всему свой черед.

– Это что же? Получается, что время пришло? – Догадался Рош д, Амий.

– Получается, Тихомир, Получается. Послушай, поспешать пока некуда. Твоя ладья еще у пристани прозябает, ветер попутный ждет. Расскажу-ка я одну прелюбопытнейшую историю. Сам, конечно, я там не присутствовал, – может, что и привру, но, как ни мерь, правды поболее, думаю, будет. А ты купайся, купайся. Голос у меня пронирыливый, – услышишь.

История оказалась, и в самом деле прелюбопытная.

«Не скажу, о каком годе, но, как понимаешь, в старо-прежние времена жили на земле интересные народы. Разумнее нас, как оказывается, были. Знания поболее твоих, однако, имели. Говаривают, что и к звездам летали. Думаю, ты про это в книгах старинных читывал.

Так, вот, то ли обидели они богов, то ли не захотели обидеть, чтобы услужить другому богу, но послана была на землю Кара Небесная.

Немереная беда бы случилась, да люди прознали о каре той заранее, – и решили они на время покинуть землю, чтобы уберечься от Вселенского Огня.

А, чуть не забыл поведать, что дружили эти люди с драконами, тоже владеющими Силой. Эти драконы-то и предупредили людей о грозящей беде.

Как, думаю, ты догадываешься уже, они выполнили свой замысел, но обратно уже не вернулись. Многие возвратные-то кристаллы были похищены, но, хвала богам, не уничтожены. Было их, говорят, аж, семь штук. Один я нашел в Тургайской пустыне. Один здесь. Тот, который был мне нужен, на Руси, на озере Светозар обретался. Еще один, твой, где-то на Севере, на Врановом болоте затоплен. Этот-то и есть самый Главный.

Знаю, что два камня Черный Зверь уже уничтожил, – и эти народы уже никогда не вернуться».

– А это нужно? – Недоверчиво спросил Ро..., – Тихомир.

– На землю вернулись уже четыре ключа. Один из них, неизвестно, от какого Возвратного кристалла.

– Но хотят ли те народы возвращаться? – Спросил Тихомир, выходя из воды.

– На землю вернулись уже четыре ключа. – Упрямо повторил Милей.

– Но куда они вернуться? Мир уже изменился.– Настаивал и Тихомир.

– Изменился. – Согласился Милей. – Слышал, небось, про пустыню Такла-макан. Была когда-то там процветающая земля. Ах, какие сады там были! Как ты думаешь, почему там сейчас смертоносная воронка? Даже духи там немощны. Потому что ушла земля. Вместе с людьми ушла. И не будет там жизни, пока не вернется земля, и людей не вернет.

– Ты уверен?

– Так сказали духи. – Горестно вздохнул Милей.

– Ты там был? – Удивился Тихомир.

– Был. – Подтвердил Милей. – Там и первый возвратный кристалл нашел. – Он слез с камня и снова взялся за котомку. – Ключ я на место установил, но кристалл совсем-то не ожил, – ждет, поди-ка, команды. А может, и ожил, да мне не открылся.

– Откуда про них ведаешь, про главный кристалл? – Поинтересовался Тихомир, отправляясь следом.

Милей, резко остановившись, обернулся:

– Знаешь, сколько я здесь? Косточки-то мои ветер наполовину ошлифовал. А знания читать еще наверху научился. Интер-ресная наука получается, но тебе оставаться здесь не след, – тебе теперь два ключа на место доставить надо, а, может, три, если последний ключ укажет путь.

– Не дойти, видимо, мне до моря.

– Не дойдешь, так доедешь. Выжил твой конек, однако. К вечеру придет к пирамиде. Это мне яду с лихвой хватило, а у него, к тому же супротив яду привычка была.

Он пошел, было, вперед, но снова остановился:

– Расшива-то завтра только к полудню подойдет.

– Возьмет ли?

– А куда ей деться? Возьмет. – Хитро усмехнулся Милей.

Так все и вышло. Конь, действительно, пришел к вечеру. Ночью ехать, конечно, опасно, но небо было чистым, а густая россыпь звезд и луна давали достаточно света, чтобы вовремя заметить и бархан, и ямину. Да, и Милей провожал их до рассвета. Впрочем, кажется, не только, – иначе, как объяснить тот факт, что расшива терпеливо дождалась его, и тронулась, как только Тихомир взошел на борт. Да, и конь пошел обратно, – словно в поводу.

4. Расшива в Волгу не пошла.

Расшива в Волгу не пошла. Времена все еще были лихие, да, и тяжеловата она была для «бурлачной» тяги. Но кормчий передал Тихомиру мешочек с деньгами: «Велено передать лично в руки. Сказано, плата за коня». Стало быть, есть, на что купить другого. Странно, но конь, которого удалось купить, был подозрительно похож на того, что пришлось оставить на берегу. Была и еще одна странность: в мешочке оказались и два украденные поддельных ключа.

После скитания по пустыне, – странно, но, кто же он теперь: Ванятка – Иван, Рош д, Амии, или Тихомир? – и, попав в другой мир, он вновь ощутил себя одиноким. Как-то само собой вышло, что он в монастыре совсем не считал свое время. Так получилось, что и хорошо подумав, он не смог бы назвать свой возраст. Впрочем, он и до отправки в злосчастное путешествие, не знал, какой идет год. Как бы, ни к чему это было. На девчонок, конечно, поглядывал, и фасон держал в свои-то десять лет, особенно, когда отец решил взять его с собой в плаванье. Кто ж мог тогда думать, как все обернется? Ни жены, ни детей, ни пристанища. Звездочетом он не стал, – слишком много сомневался в этой науке, но ведь и Учитель имел не меньшие сомнения. Да, и в земной магии он не достиг больших вершин: может, конечно, и не мало, но, наверняка, в основном это досталось от бабушки.

Он, видимо, сделал какое-то неловкое движение, – конь вдруг встал на дыбы, чуть не сбросив седока. Но оторопь так и не прошла. Бабушка передала не только Силу, которую с первого взгляда распознал Учитель, но и некоторое предназначение, о котором он совсем забыл.

«О каком таком Звере говорила бабушка? Вообще-то, категория Зверя много раз встречалась и в Древних книгах, и в более поздних фолиантах. Впрочем, и Боги частенько представлялись людям в виде зверей. Так, о каком же Звере говорила бабушка?».

Нет, все-таки он недостаточно овладел магией. Во всяком случае, в области самозащиты. Если не поехал по правому берегу Волги, то стоило подумать о татарских ордах. Конечно, их можно было встретить и на правом берегу, но левый-то...

Коню-то чего было опасаться? Но и он неожиданно остановился, а потом попятился назад. И тут не среагировал ни кто из его седоков, не повернул назад под спасительные заросли ивняка, а послал коня вперед.

Их быстро окружили с десятков всадников восточного типа. И имея оружие, он вряд ли смог бы отразить атаку и пары из них, а, возможно, и одного. Но у него не было оружия, – и потому несколько рук хищно потянулись к поводьям.

И снова его выручил конь. Он вдруг встал на дыбы, и, как только кони противника отпрянули в стороны, метнулся влево, к блеснувшей за кустами воде. Тихомир еле-еле удержался в седле, когда конь бросился в Волгу с весьма крутого обрыва. В седле он удержался. Но покинул его, и поплыл рядом.

Река в этом месте была довольно широкой, но они, что удивительно, переплыли.

Разве стоило так стараться, чтобы утром снова оказаться в окружении тех же всадников? Правда, его почему-то не убили, и не отняли ни коня, ни поклажу.

– Ты поедешь с нами. – Безапелляционно заявил один из них. – И не вздумай снова бежать. Я не посмотрю на то, что кое-кто хочет с тобой встретиться. – Он хищно ощерился. – Мне же не сказали, в каком виде доставить тебя к хану и тем людям.

Воля неволей, пришлось подчиниться.

Хану же оказалось не до него. Ночи уже были холодные, – и он сильно застудил спину, и без того частенько болевшую после того, как три года назад он упал с убитой стрелой лошади.

Так сказал степняк, привезший его в стан.

– Отведи меня к нему. – Сказал Рош д, Амии.

– Торопишься умереть? – Ослабился степняк.

– Просто, я могу ему помочь.

– Ты? У хана достаточно лекарей. – Грубо оборвал его степняк.

– Оно и видно.

Рука степняка потянулась к сабле, но остановилась на полпути.

– Пошли. – Мотнул головой степняк. – И смотри, если не сможешь, умрешь быстро, но мучительно. А, может быть, и медленно.

Хан морщился от боли, но старался сохранить степенность.

– Ахмат сказал, что ты – лекарь.

– Он правильно сказал. – Поклонился Рош д, Амии.

– И ты сможешь вылечить? – Недоверчиво скривился хан.

– Мне надо посмотреть спину. – Пожал плечами Рош д, Амии.

Хан мгновенно помрачнел и принялся исподлобья рассматривать гостя. Что он разглядел, неизвестно, но хан, наконец-то, оторвал взгляд и громко объявил:

– Все – вышли. А ты, лекарь, останься.

Рош д, Амии так и предполагал. Один из позвонков оказался сильно сдвинутым.

– Я вылечу тебя, хан. Но сначала будет больно, очень больно.

– Лекарей сюда. – Выкрикнул хан.

В шатер немедленно вбежали пять человек.

– Выслушайте его. Потом я решу, кто лишится головы первым.

Рош д, Амии пришлось несколько раз объяснять лекарям причину боли хана. Они то согласно кивали головами, то в сомнении цокали языками.

Наконец, хан спросил:

– Он правду говорит?

– Да, хан. – Лекари подобострастно склонили головы.

– Кто-то может это вылечить.

– Мог Ур Кот Чун, но его...

– Довольно. – Оборвал говорившего хан. – Ты, точно, можешь вылечить?

– Могу. Но я же сказал, сначала будет больно.

– Лечи.

Но Рош д, Амии не был уверен. Необходимой практики не было. Конечно, порой лекари монастыря спускались на равнину, чтобы подзаработать на пропитание всего монастыря. Участвовал в этих экспедициях и Рош д, Амии, но такие недуги встречались редко, и основные приемы лечения выполнял Учитель.

Но отступить было уже поздно. И Рош д, Амии принялся за лечение.

Пока новоявленный лекарь разогревал спину, хан привычно задремал. И вдруг острая боль скрючила все его тело. Если бы сабля была рядом, лекарь моментально лишился бы головы, но сабли рядом не было, да и боль долго не отпускала, не давала повернуться. К тому же и лекарь ведь честно предупреждал о боли.

– Придется потерпеть еще разок, хан. – Вернул его к реальности голос лекаря.

– Лечи. – Прохрипел хан, и приготовился к новому удару болью, но, на сей раз, боль оказалась гораздо слабее.

Потом лекарь растер спину нутряным салом, – и хан покойно уснул впервые за многие дни.

Утром он проснулся совсем другим человеком. Спина, конечно, немного побаливала, но что значит такая боль после трех лет мучений.

Разумеется, хан – всегда хан. К лицу ли хану спрашивать чье-то желание. В тот же день было объявлено, что отныне Рошами – главный лекарь хана.

Ордынцы горячо приветствовали исцеление хана, но были два человека, которых объявление глашатая сильно огорчило. Они метнулись к хану, но наткнулись на неприступный взгляд.

– Меня мало интересуют ваши беды. Этот человек – под моей защитой. Вы поняли?

А что им оставалось делать? Не будешь же рассказывать про заветный кристалл? Но Рошами, – а именно под таким именем он теперь существовал, – понимал, что жизнь его снова висит на волоске. Не только его преследователи, но и он сам не мог открыть знания о своих кристаллах. Более того, если его преследователи в момент отчаяния могли и проговориться, то для него это – «непозволительная роскошь». Покровительство хана продлится не дольше, чем это согласуется с его интересами. А известие о камнях как раз и может оказаться таким моментом.

Но пока все шло своим чередом. Время, когда Золотая Орда беспрепятственно опустошала русские земли, бесповоротно закончилось. Об этом напоминали заставы на противоположном берегу, и, как ни странно, едва хан решался перейти реку, как вдруг там появлялась русская рать. Вместо того чтобы повернуть на юг, хан упорно шел на север, туда, где москвиты, были более сильны. И это начало порождать в его войске смуту. Рошами подозревал, что она подогревается его преследователями, хотя и не имел для этого достаточных обоснований.

Но, как бы то ни было, смута росла с каждым днем, – и наступил тот день, когда хан понял, что дальше медлить нельзя.

Городок на том берегу был невелик, но выглядел богато. И русского войска там не наблюдалось. И брод был хорош. И лазутчики только подтверждали это. В общем, все сошлось.

Реку перешли затемно, и перед первыми лучами солнца оказались у городской стены. И на этом все планы хана рухнули. За городскими стенами укрылась великая рать. Хан понял это в тот момент, когда начали открываться городские ворота. А, уж, когда рыкнули пушки!

Возвращение хана в стан, – вернее, бегство, – увенчалось казнью лазутчиков, которые не успели скрыться, затем тех, кто затевал смуту.

И, вот, наступил час преследователей Рош д, Амий. Рош д, Амий уже давно приглядывался к ним, но так и не понял, были ли это монахи, или нанятые монастырем убийцы. Теперь, поняв, что грядут большие перемены, да, и их судьба повисла на волоске, они решились на отчаянный шаг.

Хан мрачнел с каждой песчинкой, пока они предъявляли Рошами обвинение в провале осады города.

– Что скажешь на это? – Повернулся хан к Рошами.

– Ты мудр, хан. – Ответил лекарь. – Если бы я хотел твоей смерти, я мог бы это сделать много раз. Но я этого не сделал. Я мог отравить твоих людей, но я их только лечил. Предупредить москвитов о твоём решении я тоже не мог. Если ты не успел казнить всех заговорщиков, расспроси их, кто сеял смуту.

– Говори, что знаешь. – Приподнялся хан с подушек.

– Увы, хан, это не знания, а только предположения. Тебе же нужны достоверные вести. Пospошай заговорщиков.

– Мамуд, ты все слышал?

– Все, хан. Скоро они все скажут. – Мамуд вскочил с ковра и покинул шатер.

– Все уйдите. Я должен подумать. – Хан сделал убедительный жест рукой.

Хан сделал ошибку. Заговорщики, конечно же, заговорили, но было поздно: подстрекатели уже затерялись в просторах степи.

Рошами уже знал об этом, но сердце его похолодело, когда за ним пришли сразу трое степняков.

Хан, мрачнее тучи, возлегал на своих подушках. Не глядя на лекаря, он твердо бросил:

– Я пока не хочу просить Мамуда. Говори, что знаешь.

Мамуд находился тут же, в шатре, и, лишь, хищно ощерился на слова хана.

– Если тебя устроят предположения, я готов сказать все. – Начал Рошами.

– Я хочу знать, зачем ты здесь.

– Извини, хан. Не я сам пришел к тебе, меня привели твои люди. – Возразил Рошами.

– Меня попросили те люди. – Снова помрачнел хан. – Кто они?

– Поверь, хан, и Мамуд не сможет заставить ответить на твой вопрос. Я их не знаю. Предполагаю, что они – монахи другого монастыря, но, почему они преследуют меня, я не знаю.

– Однажды они проговорились, что у тебя есть то, что тебе не принадлежит. Что это?

И Рош д, Амий был вынужден выложить кристалл.

– Их у него два. – Подал голос Мамуд.

И Рош д, Амий достал другой.

– Что это? – Хан вперил свой взгляд в камни, затем протянул к ним руку.

– Этого полностью я не знаю. – Пожал плечами Рош д, Амий. – Мне приснился сон, что я должен их куда-то доставить. Куда, должно подсказать сердце. Но оно пока молчит.

– А если тебя убьют? – Недоверчиво усмехнулся хан.

– Видимо, это сделает кто-то другой. – Рош д, Амий понимал, что скрыть все, все равно, не удастся.

– Почему эти люди хотели заполучить эти камни? – Не унимался хан. Мамуд молчал, но Рош д, Амий чувствовал на себе его неотрывный взгляд и испытывал слишком большое неудобство.

– Этого я не знаю. Дважды это пытались сделать другие, но камни вернулись ко мне.

– Что скажешь, Мамуд? – Спросил хан, не отрывая взгляда от кристаллов.

– Он сказал правду. – Ответил Мамуд, – и хан испуганно вздрогнул.

– Что мне делать? Забрать их себе?

– Не знаю, хан. – Честно ответил Мамуд. – Это – непростые камни, – и, чего ждать от них, я не знаю. – Продолжил он, протягивая к кристаллам руку.

Рош д, Амий почувствовал, как резко спало напряжение, и, вместе с тем испугался, что подал хану настоящие кристаллы.

Мамуд подержал камни в руке, и вернул их хану:

– Цена их не слишком велика, но беду могут принести немалую. Отпусти лекаря с миром.

Хан посмотрел на своего помощника с превеликим удивлением: такого еще за ним не наблюдалось. Он еще раз полюбовался камнями, и с большой неохотой протянул их лекарю.

– Ты свободен.

– Смотри, не попадись этим шайтанам. – Вновь удивил хана Мамуд.

Мир изменился, но не разучился удивляться: вчера удивился хан, сегодня удивился стан. Сам хан вышел проводить лекаря.

Проводы не были бы большими, но порыв ветра взвихрил волосы Рошами.

– Так, ты сумел выжить? – Воскликнул хан, бросаясь к лекарю. Ниже левого уха располагалась знакомая отметина, – коричневое пятно в форме восьмиконечной звезды. Это слишком трудно не запомнить.

Урус был слишком увертлив. Если бы в его руках была сабля, наверное, немногие из степняков сэкономили бы свою жизнь. Вместо сабли у него была только заготовка для сабли – металлическая пластина, дающая возможность отразить сабельный удар. Но и с нею он смог противостать трем – четырем отрокам. Иногда он, отчаявшись, наносил пластиной скользящий удар, – и горе тому, кто спровоцировал его на этот шаг.

Один из таких моментов и стал памятен для Ременя.

Поединки юных ордынцев закончились, как обычно, полным провалом. Более того, «потерявший разум» Сарух, когда поединки уже были остановлены, совсем неожиданно для всех вскочил с земли и бросился с мечом на уруса. Ответный удар пластиной пришелся возле виска Саруха, – и Сарух без признаков жизни упал на землю.

Нет, Сарух не умер, но его отец не стал разбираться. Расстояние для стрелы было предельным, но все-таки она попала в шею уруса. Тогда-то все и увидели странное родимое пятно на шее уруса, залитое кровью. И такое же пятно виднелось и на его руке, просто на него до этого не обращали внимания. В отличие от ордынцев, чьи головы регулярно брились, урус носил волосы, свисающие до плеч.

Уруса, помнится, продали проезжавшим мимо работорговцам спустя два дня.

И, вот, прошлое вернулось.

– Так, ты сумел выжить? – Воскликнул хан, – и лекарь удивленно поднял брови.

– Ты, что, забыл, как тебя продали нам твои, русы? – Удивился хан, но вдруг осознал, что они оба сильно изменились, – постарели, – и урус, вряд ли, его признает. Но он, неуверенно, но признал.

– Получается, сын хана сам стал ханом? А что случилось с отцом? – Спросил лекарь.

– Ушел в лучший мир. – Как о великой милости ответил Ремейхан, и подумал, выпадет ли ему такая же великая милость, или суждено ему сгинуть в безвестии и позоре.

И, пытаясь перебороть наступившую в голове смуту, оборвал разговор, только растерянно проговорил. – Вольной дороги тебе, Рошами. – И пошел, пригибаясь под весом тяжелых предчувствий.

5. Возвращение

1

Тихомир не решился переправляться через Волгу напротив городка, оказавшего сопротивление хану. Вряд ли, стоит ожидать от горожан благосклонности, да, и воспоминания, взбодраженные ханом, вызывали законные опасения. Конечно, теперь он – не неразумный мальчишка, но ведь часто бьют, невзирая на возраст.

Впрочем, Тихомир с самого начала опустил поводья, предоставив коню полную свободу, – и он не подвел. Сколько они прошли, Тихомир – Рош д, Амии – Ванятка не считал, но значительно выше по течению конь спустился к реке и пересек ее по сравнительно неглубокому месту.

Ночевали они в лесу, прикрываясь от полчищ комаров густым дымом, приправленным ароматом трав, но спать комары, почитай, совсем не дали. Впрочем, не легче были и последующие ночи, правда, усталость уже давала о себе знать, – и он все-таки засыпал, но утром просыпался с искусанным, опухшим лицом.

Помог случай. Встретилась ему на пути большая деревня, точнее, горестная процессия. Человек сорок тянулись вслед за гробом, на котором возлежал весьма богатый человек. Государственного устройства Руси Тихомир не знал, потому и не смог предположить высоту положения лежащего в гробу. Да, и что за причуда такая – живым в гробу кататься? Впрочем, слезы на глазах некоторых были всамделишные.

– Куда это вы живого человека в гробу несете? – Остановил Тихомир одного из странной процессии. Родной язык он подзабыл, – как не подзабыть за столько-то лет, – поэтому вопрос пришлось повторять раз, считай, пять. Хорошо, что нашелся в толпе беглый ордынец.

Он же и перевел естественный ответ:

– На погост, вестимо.

– Зачем? – Не понял Тихомир.

– Отошла душа-то. – Перекрестился человек, и вслед за ним и остальные, и поспешили догонять процессию.

– Но он же живой. – Воскликнул Тихомир.

– Как, живой? – Не поверили люди, но процессия остановилась. Гроб поставили на грубо сколоченные козлы, а люди, начали, крестясь, пятиться назад.

Так и есть. Человек был жив, но его организм, как бы, замер. Тихомир, тогда еще Рош д, Амии, не слишком вдавался в теорию строения человеческого организма, но учеником был, все же, прилежным. Во всяком случае, почувствовать, где был пережат кровеносный сосуд, он сумел весьма быстро.

Нельзя сказать, что его действия толпа восприняла однозначно. Тихомир чувствовал, как быстро нарастает опасный ропот, особенно усердствовал человек в монашеской одежде – и торопился как можно быстрее разогнать кровь по телу покойника. И вот, наконец, «усопший» ожил, – и толпа раздалась еще шире. Ропот мгновенно утих, а справедливый вопрос пригнул всех к земле, – каждый старался стать незаметнее.

– Что здесь деется? – Раздался грозовой голос.

Не эта ли гроза частично открыла в Тихомире закрома забытых знаний.

– Прости, отец родной. – Бросился на колени, похоже, старший в процессии. – Ошибочка вышла. Да, и как не выйти, если ты о пять дней признаков жизни не подавал?

– Что здесь деется? – Повторил вопрос «усопший», неуклюже выбираясь из гроба.

– Так, ить, помер ты. – Подал голос другой человек. – Аз есмь, помер. Если бы не этот чужеземец, погребли бы тебя, думаю.

– Как это, погребли бы? – Повысил голос «усопший».

– Так и есмь. Как сказали отец Семион и знахарь наш, что помер ты, так и понесли тебя на погост. – Подтвердил все тот же голос.

– Так я же жив. – Удивился «усопший».

– А это, уж, кланяйся ему. – Подтолкнул Тихомира в спину владелец рассудительного голоса. – Кабы не он, беда бы пришла.

– Это так? – «Усопший» угрюмо посмотрел на Тихомира.

Тихомир, возможно, не все понял из той беседы, потому только пожал плечами.

– Стало быть, так. – Насупился «усопший», но в это время ему в ноги бросились женщина с тремя детьми.

– Жив, кормилец ты наш. Это все они, ироды проклятые. – Бросила женщина гневный взгляд в сторону монаха.

– Ладно. Хватит причитать. Дома поговорим. – Оттолкнул ее ногой «усопший», – и пошел назад в деревню. Сделав с десяток шагов, он остановился и вернулся назад.

– Приглашаю тебя в гости, мил-человек. – Совсем не деланно поклонился он Тихомиру. – Спас ты меня от смерти лютой, полагаю. И потому гость ты особенный. На поминки-то наготовили? – Обернулся он, вероятно к жене. – Стало быть, будем праздновать. Рождество мое.

Гуляние затянулось на неделю. Первые два дня Тихомир отдыхал душой и телом, затем начал маяться, но помещик, которого он спас, пребывал в пьяном разгуле, а уехать, не попрощавшись, Тихомир не мог.

Впрочем, он пока еще не представлял, куда ехать. Где-то в этих краях есть озеро, куда он должен доставить кристалл-ключ того призрака, Милея, стало быть. Ни точного названия озера, ни города, скрывшегося то ли на дне озера, то ли в тумане. Расспрашивать первого встречного неразумно и опасно, а ключи пока еще «молчат».

Удивительно, но на девятый день помещик вышел из своей светелки совсем непохожим на того, каким пребывал все эти дни. Правда, веселая маска схлынула с лица, когда он узнал, что гостю пора уезжать.

– Извини, брат. Развезло меня, однако, изрядно. Но и понять меня можно, – не каждый день с того света возвращаешься. В княжеской дружине в страшных сечах бывал, но такого страха и там не испытывал. Подумать только, могли бы заживо похоронить.

После этих слов хозяин надолго замолчал, уйдя глубоко в себя, словно бы уснул. И Тихомир решил, было, отправляться в путь, но помещик внезапно «вернулся»:

– Позволь спросить, далече ли путь держишь? Если не секрет, конечно.

И вновь после Тихомирова ответа глубокая задумчивость «нарезала» бороздки на лице хозяина. Да, и заговорил он, не меняя ни положения тела, ни выражения лица:

– Многого про то озеро я не ведаю. Сам понимаешь, почитай, полжизни в седле ратном. Но кое-что слыхивал. Бают, град на нем чудесный стоял. Стоял-стоял, да и скрылся под водой от врага ненавистного. Поверить в то я не могу, честью клянусь, но так бают. Постой-ка, есть у меня мужичок загадочный, говорун он, конечно, не, бог весть, какой. Порой слово из него хоть клещами тyani. Но, если глянешься ему, много, чего любопытного узнаешь.

Помещик поднял с пола сапог и метнул его в дверь:

– Есть там кто живой?

И тотчас в дверь заглянула растрепанная женщина:

– Чего звал-то?

– Отправь кого-нибудь за Севером.

– Кого ж я отправлю-то? Все при делах. – Недовольно, и небрежно скривилась женщина.

– Коль некого, тогда сама побегай.

– Некогда мне. – Буркнула женщина, и уже норовила скрыться за дверью.

– Забыла, знать, про арапник? – Все так же, не меняя позы, усмехнулся помещик. И эта реплика возымела свое действие, – сию же минуту из сеней послышались крики и шлепки.

– Вот, только, дома ли он? – Тут же засомневался помещик. Но Север не задолил со своим появлением.

– Звал, Корнеич? – Еще не переступив порог, негромко и с достоинством спросил весьма колоритный мужик. Невысок, но коренаст, и в одежде не богатой, но добротной, с доброй улыбкой и хитроватым взглядом.

– Проходи, Север, разговор есть.

Мужик стащил с головы шапку, и шагнул в горницу.

– Длинен разговор-от будет?

– Аль торопишься куда? – Вместо ответа, подозрительно прищурился левый глаз, спросил помещик.

– Так ведь сено не прибрано. Как бы дождь не погноил. – Ответил Север, однако, к столу прошел.

– Выпьешь со мной? – Помещик потянулся за трехлитровым жбаном, но мужик решительно отказался:

– Не время, однако. Сено, говорю, прибрать надо.

– Не время – так, не время. – Легко согласился помещик. – Помнишь, сказывал ты про озеро и город чудный на нем?

Север так и застыл в оцепенении. Потом немного совладал с собой и ответил слишком уж решительно:

– Я? Говорил? Нет, не помню. Пьяный, знать, был, – вот, и нес, невесть, что.

– Трезвый ты был, Север. – Не менее решительно возразил Корнеич. – Не таись, Север. Помочь человеку надо. Сам ведь знаешь, какой должок у меня перед ним.

– Я и рад бы помочь, кабы ведать, о чем речь. – Стоял на своем Север. – Душновато у вас здесь. – Вдруг принялся он опасливо оглядываться. – Может, в сад выйдем?

Помещик сначала удивился его словам, но тут же согласился. – И точно, духовито. В сад – так, в сад.

– Эй, девки. – Стукнул он своим громадным кулаком в стену светелки, – и тотчас в проеме открывшейся двери показалось испуганное лицо. – Принесите обед в сад. На трех человек. И вино поменяйте на холодное, из погреба.

Теперь Север от вина не отказался. А смятение слишком отчетливо читалось на его лице. Но Иван Корнеевич, – Воля – неволей, Тихомир узнал теперь и полное имя помещика, – не стал его щадить:

– Так, как, Север, поможем человеку?

– Я бы рад, да ... – Виновато проговорил Север, но уже чувствовалось, что он начинает сдаваться.

Иван Корнеевич налил ему еще одну кружку, но Север решительно его отодвинул:

– Ладно, возьму еще один грех на душу. Есть такое озеро, – Светлоярм кличут. А города нет. Нет города. Кое-кто говорит, что он ушел под воду, другие – улетел на небо, а некоторые говорят, что он скрылся в тумане. Бывал я там, но не нашел от города и следа, хотя и един-человек без следа не бывает. А, может быть, и был город. Места-то там больно чудные, – можно цельный день круг одного куста прокрутиться, а нужное тебе – не сыскать.

Тебе-то, мил-человек, пошто, сей град понадобился?

Тихомир нутром почувствовал, что находится на верном пути, – и потому не стал особливо таиться:

– Попросил меня один человек доставить в сей град важную вещьцу.

– Что за человек? – Напрягся Север.

– Имя свое он, конечно, называл, но я не уверен, что это его имя, а, вот, просьбу не выполнить не могу. – Продолжил, было, Тихомир, но Север тут же задал новый вопрос:

– По обличию-то каков он?

И Тихомир, как мог, обрисовал Северу привидение.

– Жив, стало быть, Волчара? – Неожиданно обрадовался, и тут же поник Север.

– Что за Волчара? – Подивился Корнеич.

Север несколько побледнел, съежился, но проговорил:

– Волхв тамошний. Настоящего имени не ведаю, да, пожалуй, и никто не ведает. Все, так, Волчарой и кликали, потому как с волками он много якшался.

И тут позади Севера раздалось громкое ржание Тихомирова коня. Север вскочил с табурета, и, кажется, от его лица отхлынула вся кровь.

– Свят, свят. – Принялся креститься Север, но конь уже безмятежно пощипывал сочную траву.

Тем не менее, Север ушел глубоко в себя, – и, кажется, не отреагировал на то, как налились кровью глаза его хозяина. Впрочем, и помещик быстро умерил свой нрав, – и, мелкими глотками попивая удивительного букета вино, терпеливо дожидался, когда Север совсем оправится от потрясения.

Он уже почал следующую кружку, когда Север сконфуженно проговорил:

– Прости, Корнеич, – почудилось чуток.

– Бывает. – Безмятежно проговорил помещик, – вино было крепким, – и уже начинало действовать. – Что почудилось-то?

И Север обреченно махнул рукой:

– Грех за мною тянется. Уже много лет тянется. Завещал мне старый волхв сохранить любопытный камень. Три года хранил, да прознала татарва о нем. Если бы самого пытали, – не выдал бы, а они, ироды, сына моего младшенького захватили, – вот и пришлось мне тот камень отдать.

Север опасливо оглянулся на коня, который продолжал безмятежно пощипывать траву.

– Отдал? – Изумился Корнеич.

– Ты же знаешь, Иван Корнеич, в каких передрягах бывал, а тут не выдержал, – отдал. Да, и Волчара столько лет уже не объявлялся. Одно к одному сложилось, – отдал.

– Видать, не простой был камушек, коли этот, – как его? – Волчара заповедовал его? – Вдруг начало покидать хмельное состояние голову помещика.

– Не простой. – Понурил голову Север. – Только, татарве он не достался.

– Как это, не достался? – Удивился Корнеич, возбужденно поднимаясь со своего места. – Ты ж сам его отдал?

– Так, и не досталось. – Убежденно проговорил Север. – Долго пришлось мне красться за ними. Долго ждал, когда расслабятся они. И дождался. Устроили они пир большой коло озера Тенгиз-далай. Тогда-то я и смог выкрасть камень. Выкрасть-то выкрал, да увезти не смог, – пришлось утопить его в том озере

И снова громко заржал конь, но Север уже сбросил свой камень с души, – и потому, только, виновато опустил голову. А конь, меж тем, вдруг подошел к Северу, и положил свою могучую голову ему на плечо. Север вздрогнул, но не отстранился.

– Знаю, что нет мне прощения. – Север погладил морду коня. – Вот, боюсь, только, хватит ли мне жизни исправить свой грех? Да, и не знаю, найду ли сам то место.

И вдругорядь подивились Корнеич и Тихомир: конь, казалось, понял слова Севера, – последовавшее за откровением ржание было одновременно и тоскливым, и примирительным.

– Получается, нет теперь надобности, искать это озеро. – Озадаченно проговорил Тихомир, и теперь сам покосился на коня. И ему показалось, что конь, уже отошедший от них, согласно закивал головой.

– Что дальше собираешься делать? – Сочувственно спросил Корнеич, и тоже суеверно посмотрел туда, куда были устремлены взоры его собеседников.

– Но родине с младенчества не был. – Неожиданно для себя ответил Тихомир. – А теперь, вот, почувствовал, что остались там невозвращенные долги. Не понимаю пока, какие, но сердцем чую, пришла пора их отдавать.

И Корнеич без лишних понуканий поверил ему. – Видимо, прав ты. Да, и мне ли твое сердце? Как подумаю, от какой беды ты меня спас, молиться на тебя готов.

– Оно так. – Подтвердил и Север, отводя взгляд от коня, и, немного помолчав, добавил. – Отпустил бы ты меня, Иван Корнеевич, и мне свой долг исправить.

– Ты здесь нужен. – Разом насупился Корнеич. – Велено людей наготове держать, ты и сам это знаешь. Да, и след ли, совать голову в полымя?

– Я тоже полагаю, что не следует. Все складывается так, что не пришло еще время того камня.

И согласное кивание головы коня, – хотя так ли это на самом деле? – развеяло сомнение Севера.

– Послушай, Север. Кроме сена у тебя иных срочных дел нет? Тогда проводи человека. Заодно воеводе грамотку доставишь. И сено тебе помогут залучить. Согласен?

– Коли так, то отчего ж не согласиться? Заодно и родичей навещу. – Радостно закивал головой Север.

– Вот, и добро. – Удовлетворился помещик. – На словах передашь от моего имени просьбу помочь человеку в других землях.

2

Воевода слегка подивился истории о чудесном спасении своего дружинника, и его просьбу принял, – и тем значительно облегчил дальнейший путь Тихомира: личная печать воеводы открывала многие двери.

И вот, наступило время, когда, похоже, «ожил» и его камень. Во всяком случае, это чувствовал Тихомир, когда брал камень в руку. А брал он его, сам не ведая, почему, все чаще и чаще.

Глазами свой городок Тихомир не узнал, зато, узнал сердцем. И не было в том ничего удивительного: минуло столько лет и событий, что он не ожидал, что и свой дом отыщет. Но дом отыскался, и женщина, настороженно выглянувшая из окна, вдруг заполошно заголосила, и, выбежав на улицу, со слезами бросилась ему, уже спешившемуся, на шею:

– Братец, родненький. Вернулся. Не дождалась тебя матушка. Уже семь ден, как похоронили. Почитай, целый месяц тебя на дороге высматривала, – нутром чуяла, знать, что вертаешься ты. А, вона, как вышло: не дождалась.

Сестру свою Тихомир помнить, разумеется, не мог: Ванятка покинул родной дом, когда ей было всего три года, впрочем, было бы и больше, что с того? Прошло столько лет. Удивительно, как она признала его?

Тихомир терпеливо дождался, когда выплачется Варвара.

– Забыл, братец. – Вдруг горестно покачала головой она. – Варвара – это соседка наша, а я – Алена.

6. Знамение

Вот, и закончилась долгая полоса гуляний, которую устроили сыновья брата отца по случаю возвращения Ивана. Как позже оказалось, не бескорыстно. Брат отца, – по заданию которого и отправился отец за товаром, – оказался честным человеком. И, вот, Иван оказался полноправным совладельцем большого торгового дома. Сыновья дяди не были таковыми, – вот, и старались спойть Ивана, дабы подписал он нужные бумаги, по которым торговля полностью отходила бы им. Но Иван знал меру, и в стельку никогда не напивался. Да и две вдовушки, Алена и Варвара, зорко следили за происходящим. Ивану гульба надоела первому, а уж они после этого жестко пресекли спаивание Ивана.

В конце концов, он пришел в лабаз и без обиняков объявил, что к торговле он равнодушен, – ему по душе другие дела, которыми он и займется, И пусть, все остается по-прежнему, как завещано: в отсутствие Ивана братья обязаны поддерживать Алену, на руках у которой остались двое детей.

Делать нечего, пришлось им согласиться: хоть, и обременительно это, к торговле Алену они не подпускали, не напрасно опасаясь ее взгляда, но торговые дела шли хорошо, и деньга водилась. Да, Алена многого и не просила, поскольку имела на двоих с Варварой свой доходный «промысел». Да и весть про способности Ивана каким-то образом докатилась до их городка, – и теперь очередь жаждущих здоровья еще увеличилась.

Про «ключи» он уже и позабыл, – и потому не сразу сообразил, когда посередине ночи в светелке возникло странное свечение, которое заметила даже Варвара из соседнего дома. И пока он соображал, что к чему, Варвара уже стучала во входную дверь, решив, что в доме начался пожар. Дверь ей открыла сонная Алена, – и на пороге его светелки они объявились вдвоем.

Увидев светящийся камень в руках Ивана, Варвара побледнела:

– Никак, время пришло? – И потекли ее безутешные слезы.

Алена догадалась, что пришла беда, но какова она? Переводя недоуменный взгляд то на растерянного Ивана, то на никак не успокаивающуюся Варвару, она так и не получила ответ на свой молчаливый вопрос.

«Ключ» между тем погас.

– Не сегодня, значит. – Посветлела лицом Варвара. – Пойду я. Не проводишь меня, Иван Матвеевич?

Он торопливо оделся. Проводил, да так у Варвары и остался. И до утра молчаливо удивлялся ее жарким словам: «Наконец-то, дождалась тебя – сбылась моя надежда».

Странны были эти слова, – Варваре всего-то лет двадцать пять от роду, оттого и удивлялся Иван. Муж Варвары погиб в пьяной драке, детей не было, но, как на днях сообщила Алена, Варвара наотрез отказывала «жаждущими ее Сердца».

Увы, были в ее шепоте и другие слова, что «слишком уж коротко ее счастье, – больно уж долго плутал Иван на чужбине». Как в воду смотрела. Через несколько дней, – странное дело! – засветились все четыре камня. Варвары дома не было, – и Иван ушел туда, «куда несли ноги».

А ноги несли в жуткое место, которое с незапамятных времен называли Врановым болотом. Много людей там сгнуло. И доселе вокруг его располагалось несколько капищ с деревянными идолами-истуканами. Боязно подходить к капищам, – что, уж, говорить о самом болоте, над которым круглый год, – и даже, зимой, – нависали смрад и марево.

– Принес?

Ох, как похолодело в груди у Ивана, и без того охваченного тревогой и сомнениями. Он оторопело оглянулся. Перед ним, – точнее, позади его стояли те два монаха, которых он видел

в орде. А над ними А над ними возвышалось странное существо ростом аршина четыре, или пять, и, скорее, зверь, нежели человек.

– Принес? – Требовательно повторил монах, и уверенно протянул руку.

– Что? – Как бы удивился Иван.

– То, что тебе не принадлежит.

– А разве это принадлежит вам? – Продолжал упорствовать Иван, но монах повысил голос:

– Это не принадлежит тебе.

Естественно, упорство ни к чему не приведет, и Иван протянул ему ложный кристалл.

– Настоящий? – Недоверчиво спросил второй монах.

– А как же? – Ухмыльнулся первый. – Ты же знаешь, что те остались в пустыне. – И вдруг, подбросив камень в руке, сделал неожиданное, – судорожно проглотил кристалл.

– Что он сделал? – Молотом ударил в голове пронзительный крик-вопрос.

– Нам сказали, что тот, кто проглотит этот камень, станет властелином мира, – Немного заикаясь, ответил второй монах.

Чудовище долго недоуменно крутило головой, потом его, и без того отвратное, лицо исказилось зловещим гневом.

И вновь, теперь уже вслед за физическим хохотом, Иван – Тихомир ощутил болевой удар по мигмом ослабшему мозгу. Монаха же от этого удара скрутило и перегнуло пополам, – и камень выскользнул изо рта вместе с содержимым внутренностей безумца.

– Это не ключ. – После продолжительного изучения констатировало чудовище.

Делать нечего, – и Иван протянул чудовищу настоящий «ключ».

– Ты принял верное решение. – Удовлетворилось чудовище. Оно довольно проворно для его веса по крест-накрест поваленным стволам деревьев подобралось к болотному зеркалу. Старательно пошарив лапой в его зарослях, чудовище выловило нечто грязное, сплошь затянутое грязно-коричневым илом, и размером значительно больше человеческой головы.

– Почисти его. – Протянуло оно находку второму монаху, и тот подобострастно бросился выполнять приказание.

Находка, похоже, очищалась весьма плохо. Чудовище поначалу относилось к этому вполне терпимо. Оно лишь изредка бросало на монаха косой взгляд, в основном, забавляясь ключом. Но солнце стремительно катилось на верхушки деревьев маячившего поодаль мрачного леса, и на болото стала напоздать холодная мгла.

– Быстрее. – Потребовало чудовище. Оно уже не играло ключом, хотя, возможно, и прежнее занятие не было игрой, – теперь оно поднимало кверху «ключ» и крутило так и этак его во все стороны.

Тихомир, как ни старался, не мог рассмотреть форм кристалла. И не удивительно: темень наваливала уже валом, раздвигая пространство для света звезд.

А чудовище, кажется, слабело на глазах.

– Быстрее. – Снова прозвучало в голове грозное приказание.

А темень все продолжала и продолжала напоздать. И по болоту заскользили, заплясали в диком танце чудные тени, о коих неоднократно опасно шептали сумевшие выбраться с болота люди.

К тому же, казалось Ивану, темень приманивала свет звезд. И еще один свет. Почти так же, как там, в горах, прилетела яркая звезда. Или луч? Или что-то еще? Но это ЧТО-ТО, описав широкую дугу над болотом, ударило в «ключ».

Моментально тело чудовищахватила жестокая судорога.

– Отойди. Все уходите.

Чудовище сделало первый неуверенный шаг по направлению к кристаллу. Его пошатнуло, – луч сорвался с «ключа», – и на земле образовался огненный шов.

И тут же громкий рык потряс окрестности болота, подняв в серое небо бесчисленные стаи орущих ворон. Болото-то, и впрямь, враново.

Чудовище устояло и, поднявшись в полный рост, снова поймало кончик луча на острие «ключа». И «Ключ» начал обрастать свечением, – странным свечением.

И, чем больше было свечение, тем отчетливей казалось Ивану, что чудовище начало меняться, набирать чужую силу. И вместе с тем ему начал слышаться стон земли, – да, и как его не слышать, если не выполнил своего предназначения.

Конечно, это был безумный поступок, но Иван-Тихомир вдруг сорвался с места и метнулся к чудовищу. Откуда только хватило сил столкнуть чудовище с места, – и оно не удержалось, пошатнулось, и кристалл выпал из его лап, или уже рук.

Нет, чудовище не разорвало Тихомира в клочья, оно, всего лишь, отбросило безумца в сторону и, обжигаясь, нетерпеливо схватило «ключ».

К Ивану с трудом возвращалась способность сделать первый вздох, от которого кольнуло под сердцем. Не изнутри, а снаружи. И он понял свою ошибку. В руках чудовища был

Существо одной рукой подняло с земли

– Главный возвратный кристалл! – Услышал Иван восхищенный возглас Милея.

Но времени, искать автора этого возгласа, уже не было. Чудовище водрузило кристалл на импровизированный постамент из трех вывороченных из земли и связанных между собой стволов.

– Смотрите, боги. Пришло мое время. – Совсем укоротил время торжествующий возглас.

Чудовище решительно поднесло «ключ» к кристаллу.

А Иван инстинктивно вжался в землю. Еще бы, – ведь «ключ» был от другого кристалла, вероятнее всего, лежащего на дне озера Тенгиз-далай, кажется.

Варвара не всегда понимала свое назначение в этом мире. Так уж получилось, что она рано, в десять лет осталась одна, и, если бы не Алена, возможно, сгинула бы в этом довольно жестоком мире. Алена стала ей и сестрой и матерью одновременно. Алена к тому времени уже стала знахаркой, известной далеко за пределами их городка. Естественно, ей не мешала помощница, и, когда Варвара стала ей активно помогать, Алена только обрадовалась этому, и ненавязчиво стала обучать премудростям ведовства. Странно, но иногда, к смущению Варвары, кое-что у нее получалось много лучше, чем у наставницы.

Алена, конечно же, это видела, но не обижалась. А однажды, увидев, как в очередной раз смутилась Варвара, сказала без обиняков: «Знаю я все. Еще моя бабушка предсказала это. Не пойму только, какое дело возложено на тебя с моим братом».

Странно, но после того разговора Варвара стала ждать Ивана то со страхом, то со сжимающим сердце в трепещущий комок интересом. А потом, когда сгинул муж Варвары, появилось странное тревожное предчувствие.

Уж, не это ли предчувствие больно сжало ее сердце, когда Иван не встретил ее в условленном месте. Потемнело у нее в очах, – и, не разбирая дороги, она бросилась к дому. Ивана дома не оказалось, а конь обеспокоенно метался на привязи.

Решение пришло немедленно. Очень уж странным был конь Ивана, – иногда Варваре казалось, что он понимает человеческую речь. И теперешнее его поведение говорило, что Иван, возможно, попал в беду.

Конь легко подчинился Варваре, ибо Варвара отдалась его воле.

Далеко, однако, занесло Ивана. Конь резво бежал по еле приметной лесной дороге, а лес менялся, прямо-таки, на глазах. Не напрасным было предчувствие. Даже, ни разу не увидев этих мест, Варвара поняла, что это и есть Враново болото.

Но где же Иван? Время белых ночей на исходе, – и теперь начинает темнеть намного раньше, а оставаться на болоте ночью – безумие. Мощные ели тяжелой толщей нависали

на давно уже невидимой дорогой, – и Варваре стало жутко. Зачем? Зачем она здесь? Зачем Иван здесь?

Она была уже готова повернуть коня обратно, но конь вряд ли послушается, да, и, невесть откуда, появившееся упрямец помешало это сделать.

Желание это возродилось, когда навстречу поплыли смородные волны тумана. Но одновременно с появлением тумана впереди, похоже, появилось свечение, впрочем, мало похожее на костер.

А конь только увеличивал свою прыть, и нетерпеливо рвался туда, откуда исходило свечение.

А свечение все росло и росло, – и вскоре из-за него стало трудно разглядеть то, что их окружало. Но увидеть синеватую тень, улетевшую вперед, Варвара все-таки сумела.

А конь встал, как вкопанный, – и не было никаких сил сдвинуть его с места.

Дикий вой, кажется, сорвал уши. И тут же грубая сила вдавила Ивана в землю, которая и сама превращалась в яркую новую звезду. И не было ничего, прекраснее ее. Всю жизнь искал Рош д, Амий ее в необъятном космосе, а она оказалась здесь, на земле. И не было ничего, кроме желания подчиниться ее зову, стать ее частицей.

Но Тихомир все-таки оторвал голову ото мха.

Там, где было сердце звезды, корчилось в агонии громадное чудовище. Невзирая на то, что его тело разваливалось на куски, оно пыталось вырвать у звезды ее сердце.

– Бесплезно это. – Проявился около чудовища призрак. – Ты был плохим, бесплезным богом. И предсказание сбылось. Возвратный кристалл сейчас вернет тебя в небытие, туда, куда ты хотел отправить мой мир.

– Молчи, волхв. Ты тоже, полагаю, не вышел из небытия. Если бы ты не помешал мне, я бы мог вернуть тебя в этот мир.

– И ты думаешь, я тебе поверю? Ты – плохой бог.

– Мне не нужна твоя вера, волхв. – Все еще пыжилось чудище.

– Ой, ли. Давно ли боги стали существовать без людской любви и веры? – Усмехнулся Милей.

– С той поры, как люди стали требовать, чтобы боги служили им.

– По себе-то остальных богов не равняй.

Жутко было смотреть на то, как беседуют все сильнее и сильнее рассыпающееся чудище и призрак человека.

– Послушай, волхв. Зачем ты подменил «Ключ»? Зачем, ведь ты же знал, что так и останешься в Море Забвения? Помоги вытащить «Ключ», пока он еще не сгорел. Если он сгорит, твой народ никогда не выйдет на свет, как вы говорите, божий.

– Пожалуй, ты прав. – Согласился призрак. – Об этом-то я и не подумал. Хорошо. Я помогу тебе.

Милей подлетел к кристаллу. Тихомир не понял, что он там делает.

Как объяснить ему, что это не спасет его город?

И вдруг сердце звезды взорвалось. Точнее, сначала оно поглотило призрак, затем чудовище, – и, вот, уже поглотило все Враново болото.

Превращаясь в звездную пыль, Тихомир успел заметить, как выпал из распавшейся одежды «Ключ», – и ударная волна метнула его к лесу, туда, где неведомая сила уже скручивала мощные ели, словно соломинки.

Нет, Тихомира не метнуло к лесу вослед за «Ключом», его подняло над болотом, которое уже начало превращаться в небольшое озеро.

Увы, возвратный кристалл, видимо, не получил необходимой энергии, и теперь погружался в пучину бурлящей воды. Когда-то теперь воля судьбы извлечет его на поверхность?!

Варвара хорошо помнит, как страшная сила опрокинула, смяла, скомкала ее вместе с конем. Страшный ветер с корнем рвал деревья и кусты. Каким-то чудом, Варваре удалось, обеими руками обхватив ель, удержаться на месте, да, и конь залег в глубокой канаве. Продолжался этот шквал недолго, всего-то несколько мгновений, но страху Варвара натерпелась на всю жизнь.

Конь сам легко выбрался из канавы, и, тревожно озираясь, подошел к Варваре.

Было уже совсем темно. В какую сторону ехать, Варвара не представляла, – и потому снова положила на коня.

Проехали они совсем немного. Непреодолимый завал стал на пути, но конь снова остановился, и долго бил копытом, пока Варвара не увидела в глубине завала небольшое светлое пятнышко. Она слезла с коня, и с большим трудом и риском поломаться все же добралась до пятнышка.

Пятнышко оказалось похожим на камушек, какие были у Ивана.

– Возьми и сохрани его ради всего святого. Таково твое предназначенье. – Возник в голове повелевающий голос, ослышаться который не было никакой возможности. Варвара, всего лишь, растерянно спросила:

– А Иван?

– У каждого своя дорога. Возможно, ваши пути когда-нибудь сойдутся.

И после этих слов конь начал тревожно ржать. Едва Варвара утвердилась в седле, как он помчался в обратный путь. Каким образом, он выбирал дорогу? – но он ни разу не споткнулся, – и вскоре они были у Алены.

Алена безутешно плакала.

– Ты его видела? – Спросила Алена, не поднимая головы.

– Нет. Туда невозможно было подъехать. – Варвара опустила пред Аленой на колени. – Его больше нет.

– Нет. Он жив. – Алена с силой оттолкнула от себя Варвару.

Варвара испуганно вскочила на ноги, и теперь уже Алена сползла на колени:

– Там было очень страшно?

– Не знаю. Я не смогла туда проехать. – Заплакала Варвара. – Как же теперь жить? Я же так его любила, люблю. – Поправила она.

– Не знаю. – Алена все еще стояла на коленях, – и Варвара тоже опустила на пол. – Может, он еще вернется?

– Чей-то голос сказал, что у него своя дорога. – Сказала Варвара, и без чувств распласталась на полу.

Глава вторая

У каждого своя дорога

1. От Тарраса одни неприятности

– Имейте хотя бы совесть. – Взвилась Рамита. – На человеке нет ни одного живого места. Он только-только начал приходить в себя, а вы его снова тянете в новую передрагу. Не отпущу.

– Да, никто его никуда не тянет. – Услышал Лучник смущенный голос Тарраса. – Просто нам, всего лишь, нужна консультация.

– Знаю я ваши консультации. – Не унималась Рамита. – В прошлый раз тоже была нужна консультация, а он пропал на три года. Ты, хоть, видел, каким его привезли?

– Каюсь, – виноват. Но без него, сама понимаешь, там такое бы началось.

– Вот-вот, и я о том же. Что опять-то стряслось?

– Пока ничего особенного. Так пустяки. – Но в голосе Тарраса Лучник уловил тревожные нотки.

И от Рамиты они, похоже, тоже не утаились:

– Ну-ка, ну-ка, говори, или я тебя и на сто шагов не подпущу к нему.

Лучник улыбнулся: Рамита легко могла такое устроить. Став Верховной жрицей Храма Рожаны, она очень изменилась. Поговаривают, изначальное неприятие правителями многих планет Конфедерации появления новой религии сделало ее одержимой. Она так активно внедряла новую, точнее, очень древнюю веру, что кое-где предприняли попытки покушения на ее жизнь. После чего в это дело пришлось вмешаться Верховному Трибуналу. И вершителям пришлось не только смириться с этим, но и самим подпасть под влияние новой веры. Еще бы! Это не Храм Марены, и не культ Кукулькана. Жизнь вдруг разом перестала быть пресной. Регулярные хороводы, озорные гульбища с теми же хороводами, кострами и прочими атрибутами прежней славянской жизни. Просто удивительно, откуда это? И сама Земля все еще оставалась закрытой территорией, а здесь такая древность, от которой дух захватывает.

В доме, видимо, что-то случилось, – настолько отчаянным был вскрик Рамиты:

– Почему ты сразу не сказал? Почему?

– Не успел. – Попытался, кажется, оправдаться Таррас.

– Когда она пропала?

– Месяц, по статике.

– Месяц? Может быть, ее уже нет в живых. – Рамита, похоже, была уже на грани истерики.

– Не буду излишне обнадеживать. – Услышал Лучник, уже вбегая по ступенькам крыльца. – Это непонятная аномальная зона. Привет, герой. Рамита говорит, что на тебе живого места нет, а ты цветешь и пахнешь. – Таррас начал, было свертывать прежний разговор, но Лучник нетерпеливо спросил:

– Кто пропал?

– Звездочка со своей командой: десять менталисток и столько же каксутов.

– Подожди, почему пропустили каксутов в аномальную зону? Они же не способны еще проходить аномалии.

– Они были на рейдере «Молот Ведьм». – Начал оправдываться Таррас. – Так решила Звездочка, – и Воррн не смог ее переубедить.

– Воррн про это знал? Как их потеряли?

– Давай, выйдем на улицу. – Замялся Таррас, но Рамита тут же раскусила его уловку:

– Что там еще за секреты? Что-то касается меня?

– Ну что ты? Просто закрытая информация Трибунала.

Не прокатило. Рамиту не проведешь!

– Таррас. Не увиливай. Чувствую, это касается и меня.

И Таррас сдался.

– Уже перед моим отлетом нас посетила Хранительница Ма. По ее сведениям, с аномалией тесно связаны ваши старые знакомые. Есть предположения, что скоро по Храму Рожаны будет нанесен массированный удар. Не только в пространстве, но и во Времени.

– Пропажа Звездочки как-то связана с этим? – Спросил Лучник.

– Не знаю. На том участке в последнее время пропало более десятка рейдеров.

– И вы после этого отправили туда Звездочку? – Ужаснулась Рамита.

– Подожди, Рамита. – Обиделся Таррас. – Для нас, если честно, нет большой разницы, кто там погибнет. Не следует считать Звездочку неразумным ребенком. Она, как и ты – боевой маг. И все, кто отправился с нею – боевые маги.

– Как ты можешь так говорить, Таррас? – Вышла из себя Рамита. – Это же Да, ну вас. – Рамита выбежала из дома.

– Вот, так я всегда. Никак не научусь говорить толково.

– Ты, и вправду, сказал не то. – Не стал оправдывать его Лучник. – Это же...

– Да, знаю я. Ты думаешь, мне легко? Из того десятка рейдеров четыре наших. Полторы сотни десантников...

– Зачем там десантники? Что-то уже прояснилось?

– Скорее, запуталось. За год с небольшим, – естественно, статика, – в сторону Солнечной системы совершено несколько выбросов энергетической массы. Попытки перехватить их ничего не дали: они, просто на просто, мгновенно истаивали в ловушках.

– Не пойму, зачем там десантники? – Повторил вопрос Лучник.

– Три усовершенствованные ловушки заблокировали массу, но команды рейдеров погибли.

– А масса?

– Ушла, но уже после гибели команд.

– Почему вы решили, что десантники смогут ее удержать?

– На третьем рейдере был десантник. Он остался жив, хотя за его состояние – все еще, огромная тревога. Он удерживал зверя несколько суток, пока тот не выбил аварийный люк и не вывалился в открытый космос, где и погиб.

– Хм. – Лучник нетерпеливо прошелся по комнате. – Если зверь погиб в космосе, то, как он смог бы долететь до земли?

– Если бы у меня были ответы на твои вопросы, то я бы не появился здесь.

– Ты уверен, что я смогу чем-то помочь? – Лучник резко остановился напротив Тарраса.

– Не знаю. Поверь, не знаю. Но я не могу сказать, что я против этой твоей миссии.

– Вот, как?

– Да, вот, так. – Таррас пребывал немного «не в своей тарелке», но был необычно тверд в своем мнении. – Но позволь сначала рассказать любопытную историю.

– Внимательно слушаю. – Лучник никак не мог отделаться от некоторой обиды, – не за себя, конечно, – хотя и понимал, что выбор у Тарраса, как всегда, не велик.

– Обнаружились новые подробности появления Са Тала А Корна. Оказывается, он прибыл на планету в огненной капсуле. Догадываешься, откуда? С Терры, то есть с твоей Земли. И эта капсула истаяла у людей на глазах. Конечно, впоследствии, в это никто не верил. Наверное, об этом факте забыли бы, но нашлись несколько ученых, которые, все же, поверили, и зафиксировали сей факт на золотой пластинке, которая среди прочих оказалась на «Ветре». Эти пластины совсем недавно частично расшифровала группа Звездочки. И сказано было на одной из пластин, что эту капсулу создал некий призрак – друг Са Тала.

– Что еще было на той пластине? – Неожиданно для себя взволновался Лучник.

– Я же сказал, что слишком много непонятного, начиная с самого призрака. Какие-то возвратные кристаллы, ключи, Враново болото. Причем, про это болото говорится на трех, либо четырех пластинах.

- Вероятно, это, всего лишь, легенда...
- Возможно, но я так не думаю. В то время легенды не записывали на золотых пластинках, хотя, честно говоря, – это не самый лучший способ сохранения информации.
- Когда ему лететь? – От дверей потерянным голосом спросила Рамита.
- Я этого не сказал. – Быстро отозвался Таррас.
- Когда ему лететь? – Повторила вопрос Рамита.
- «Молот» будет здесь дней через семь-десять. – Пришлось ответить Таррасу. – Прости меня, Рамита. От Тарраса одни неприятности.

2. Аномалия

Давненько Лучник не был на «Молоте», хотя все еще числился его капитаном. После известных событий надобность в оперативных вмешательствах сведена к минимуму, а топливо для движителей рейдеров – все еще, очень дорогое удовольствие.

– Рад приветствовать вас на борту «Молота», капитан Лучник. – Весело прозвучал голос Кригуса. – Команда готова к выполнению любой задачи.

– Спасибо, Кригус. Я ни капельки не сомневался в этом. – Лучник прошел к Центральному мостику.

– Какие будут приказания, Капитан?

– По возможности, максимально близко подойти к Аномальной зоне. Опять же по возможности, найти следы рейдера «Молот ведьм» и его команды. Времени у нас мало, поэтому до определенного времени пойдем на высших уровнях.

– Капитан, можно вопрос? – Спросил Кригус.

– Конечно, сколько необходимо.

– Говорят, пропала Звездочка?

– Да, Кригус. Это ее команда была на «Молоте ведьм».

– Мы отыщем их, Капитан. – Но в голосе Кригуса слышалась скорбь и тревога – качество, не свойственное Супермозгам Супер рейдеров.

Увы, след рейдера так и не обнаружился. Ни в обломках разбитых рейдеров, ни среди вымерших корпусов рейдеров уцелевших. Могло ли это дать хотя бы какую-то надежду, Лучник пока не решил. Бумаги, которые вручил Таррас перед отлетом, не давали возможности приемлемой оценки реальности. Звездочка со своей командой должна была, всего лишь, ментально проникнуть в Аномальную зону и прозондировать ее.

Зона, по всем параметрам, была аномальной. Многие указывало на то, что это – объект «нормальной» материальной реальности. Каковой не должно быть в Гиперпространстве. Но она есть, и она блокировала все уровни Гипера в своем районе. Блокировала так, что путь в Солнечную систему через Гиперпространство в обозримом прошлом всегда был закрыт. Видимо, этим и объясняется то, что Земля выпала из Сети космического общения и развития. Конечно, имелись и иные пути, но они были дороги и неэффективны. И только пираты не гнушались ими.

Долгое время Зона никак себя не проявляла. И с этим смирились, отдав земные цивилизации под патронаж Вентра. Зона долгое время не контролировалась, – Какой смысл контролировать то, что невозможно уразуметь. Вентр тоже не слишком усердствовал «в приобщении», – контрабанда, в том числе и людей, были, пожалуй, основным занятием вентранцев на Земле.

Но, неожиданно-негаданно, Зона начала проявлять активность. В документе была отражена чья-то робкая попытка связать эту активность с появлением Лучника.

Лучник устало улыбнулся: «Сколько было таких попыток!».

Он был уже готов отложить досье, когда взгляд наткнулся на знакомое имя. Кукулькан. Бог-изгой.

Увы, снова ничего конкретного. Ну, и что с того, что его след потерялся в районе Аномальной Зоны? Как бы то ни было, Боги умеют запутывать следы.

А Безыменная? Лучник не поленился повторно перелистать досье. Ничего. Но Таррас же говорил о двух знакомых. Сын Тысячеликого? Вряд ли. Судьба сыновей Уриты, – странно, но Лучник вспомнил имя, которое он дал Безыменной, как только подумал об ее сыновьях, – конечно же, не известна. Но в то, что кто-то из них попал в Аномальную Зону, верится с трудом.

Да, и не до Кукулькана сейчас. Главное – Звездочка. Или Рамитарама. Или Рамита Рама? Или Рамита?

И, вот, теперь-то Лучник по-настоящему испугался. Он вспомнил, с какой решимостью Звездочка повела «Молот возмездия» на замок Кот-д, Авур. А, что, если она и в Аномальной зоне решила воплотить в жизнь какую-нибудь легенду? Не это ли стало спусковым крючком к активизации Зоны?

Ни Лучник, ни Кригус не смогли проследить, когда след рейдера оборвался. Конечно, Высшие уровни быстро стирают следы, ибо все лишнее, в том числе и следы – угроза уровню. Оттого мгновенно выбрасывается с уровня все, что можно выбросить. Нет, конечно, след такого рейдера, как «Волосы Вероники», – Лучник пока не смог привыкнуть к тому, что рейдер переименовали в «Молот Веды№», – не так просто стереть немедленно, но прошло достаточно много времени, чтобы сбылась слабая надежда Лучника. К тому же супермозг его не был готов к работе на высших уровнях.

– Кригус?

– Да, Капитан?

– Как оцениваешь вероятность прохода Гиперпространства в районе Зоны?

– Вероятность не велика, но я готов рискнуть.

– Спасибо, Кригус, но я не о том. Корпусов нескольких кораблей не обнаружено.

Не могли ли они пройти Зону?

– Трудно сказать. Во всяком случае, рейдеры пропадали и после того, как поставили ловушки на той стороне.

– А, как тебе версия, что Зона – это Формирователь Пространство-Время.

– Такая вероятность не исключается. Но тогда становятся нелогичными выбросы биомассы в сторону твоей Солнечной системы. Если бы зона имела формирователь, то...

И тут Кригус умолк. Надолго. В отличие от большинства искусственных разумов, Кригусу присуще образное мышление. Иногда оно мешает, но в большинстве случаев спасает.

Прошло немало времени, пока Кригус смог продолжить:

– Пожалуй, так оно и есть. Но механизм его действия мне не понятен.

– Почему прошли не все рейдеры?

– Знал бы прикуп – жил бы в Сочи.

Лучник улыбнулся. Кригус нахватался у Сибурна и не таких выражений.

– И все-таки?

– Прошу прощения, Капитан Лучник...

Ну, да. Если дело дошло до формальностей, то

– Не надо извинений, Кригус. Мне нужны, хоть, какие-то зацепки, даже самые невероятные.

– Я понял Вас, Капитан. Речь, конечно же, идет о Звездочке?

– Все верно, Кригус. – Ответил Лучник, и тут же почувствовал невероятную усталость.

– К сожалению, зацепок нет. Но соображения кое-какие есть. Аномальная Зона, как известно, – материальна. Это – раз. На ней есть жизнь. Это – два. Получается, это – планета. Но на таких маленьких планетах не бывает атмосферы, тем более что она находится под постоянным воздействием двух небольших звезд. Теоретически они давно должны были разорвать ее на части. Но этого не произошло. Значит, поле самой планеты настолько сильно, что она способна удержать свою атмосферу. Почему? На этот вопрос у меня нет ответа. И нет ответа на вопрос, как, и какая может существовать там жизнь?

– В последние ловушки попали звероподобные существа. – Напомнил Лучник.

– Это, всего лишь, физическая сторона. Причем, совсем не однозначная. А какова степень их развития?

Кригус умолк, предоставив Лучнику возможность подумать, но тот сразу же продолжил разговор:

– Почему они отправляли энергетические капсулы? Если это, действительно, энергетические капсулы?

– Все говорит за то, что это – они. Энергетические капсулы, как известно, изобрели малаи. И это было их наибольшим секретом. Если по выращиванию кристаллов – пантеонов, кое-какие сведения имеются, то сведения по капсулам отсутствуют вообще.

– Ты полагаешь, что там – малаи? – Лучник ощутил, как тревожный холодок проник в позвоночник.

– Не исключено.

– А, как – звероподобные существа? Это ведь не малаи?

– Малаи умели хранить тайны, но не от своих богов.

Чего боялся, то и открылось. Кригус, хоть, и косвенно, подтвердил опасения Лучника.

3. Выброс

Лучник проснулся оттого, что на рейдере что-то происходило. Маршевые двигатели работали на полную мощность, но Лучник почувствовал, что «Молот» движется назад.

– Кригус?

– Да, Капитан?

– Что происходит?

– Нас едва не втянуло в Аномальную Зону. Сейчас дрейф уменьшился до нуля, но по всем двигателям перегрузка. Прошу прощения, но я не мог вас разбудить. Что будем делать? Мы сожгли половину топлива, а луч все не ослабевает.

– Луч? – И решение пришло, – возможно, глупое, но решение.

– Кригус?

– Да, Капитан?

– Курс – на Аномальную Зону. Скорость – полная.

– Как? – Спросил Кригус, но тут же все понял.

Зона стремительно приближалась. И, странное дело, они увидели под собой белый, быстро приближающийся, город.

Глупо, но не плохая идея – ценой одного рейдера уничтожить Зону. И ценой жизни команды рейдера.

Команду Лучника слышали все – и ни одного возражения.

Как ни сильны были двигатели «Молота», но Зона обладала чем-то более мощным, – Рейдер выбросило в космос словно пылинку.

– Вы были правы, Капитан.

Но в ответ было молчание. И...

И сигнал о том, что шлюзовая камера центрального мостика открывалась.

– Капитан?

Молчание.

– Капитан Лучник?

Молчание.

– Кто-нибудь видел Лучника?

Молчание.

Все двигатели – СТОП! Все записи – на Центральный мостик.

Об этом, конечно, надо было догадаться, ведь говорили, что Лучник – малаи. Но Кригус был весьма смущен. Как получилось, что он просмотрел такое? В который уже раз он просматривал запись, – и не мог в это поверить. Едва на экранах показалось изображение города, как тело капитана Лучника начало окутываться золотистым туманом. При этом он, кажется, этого не чувствовал. Он, похоже, не чувствовал этого даже тогда, когда туман стал настолько плотным, что от Лучника оставались видны только контуры.

Энергетическая капсула! – Ахнули капитаны.

А потом они увидели невероятное. Капсула поплыла в сторону шлюза. И автоматика шлюза отработала безукоризненно. Если не принимать во внимание, что она не должна была выпускать чужеродный предмет.

А луч, отбросивший «Молот», казалось, был материален. Во всяком случае, он не пропал, а начал быстро втягиваться обратно, унося с собой капсулу с Лучником.

4. Ву

1

Разноухий хитрец снова обманул Ву. Конечно, не было особой необходимости гоняться за длинноухим хитрецом. Длинноухов в последнее время расплодилось столько, что стая Ву практически никогда не знала голода. К тому же расплодились и зоманы. Конечно, взять их непросто, но мясо их намного вкуснее, чем сладкое мясо длинноухов. И, все же, не брезговали квалты и их мясом.

Разноухий же снова вел себя нахально. Уже давно квалты перестали обращать на него внимание, – зачем охотиться на то, кого невозможно поймать, когда рядом столько менее хитрой пищи. А природа, казалось, специально наградила его приметной внешностью, – одно ухо этого хитреца было совсем белым, а другое – черным, в то время как во всем остальном он был таким же серым длинноухом.

Гонялся за ним только Ву. Знал ли этот хитрец, что для Ву это было игрой, но уходил от погони он каждый раз очень умело.

Но на сей раз разноухий попался. Ву удалось загнать его в тупик из двух полуразвалившихся стен, которые упирались в непроходимый барьер.

Наверное, Ву отпустил бы разноухого с миром, но тот удирал, словно не знал о непроходимом барьере.

И азарт погони охватил Ву, охватил настолько, что и он забыл об этой невидимой, но неприступной преграде.

Разноухий снова обидел Ву своим пренебрежением, и Ву прыгнул. Полет не должен быть таким длинным, но лапы почему-то все не чувствовали и не чувствовали под собой тверди. Зато, шерсть, кажется, вспыхнула. Но именно так и действует барьер. Ву однажды уже видел, как сгорело в барьере стадо обезумевших зоманов.

Его полет, все же, закончился. Мощнейшим ударом о землю. Ву не удержался на лапах, – и дважды перевернулся через голову.

Но он сразу же вскочил на лапы и тут же почувствовал, что вокруг был другой мир. Совсем чужой. Нет, и в его мире иногда можно было попасть в места с похожими запахами, но они, все равно, были иными, и... никогда не сулили ничего хорошего. В таких местах на лапах людей были длинные когти, а у некоторых были быстрые когти, которые умели далеко прыгать и пронзать квалта насквозь. После попадания в такие места стая, как правило, сильно редела. И всегда в стае находились квалты, кои, обвинив Ву, старались занять его место. Но эти тусы были слабее своего вожака, – и не решались в одиночку бороться за это место.

Что ж, теперь они возрадутся. Если Ву всегда находил выход из непонятных мест, то из-за барьера, как известно, никто никогда не возвращался.

От злости и обиды шерсть на загривке Ву угрожающе вздыбилась, но угрожать было некому.

Поскуливая от беспомощности, Ву пошел вдоль барьера, но так и не встретил ни одной, – ни свежей, ни старой, – тропы.

Желтое яблоко, дающее свет, полностью скатилось за горизонт, – и вдалеке, там, где стоят белые горы, вспыхнуло много огней. В его мире тоже есть такие горы, но Ву побывал у таких гор только раз, когда вожаком стаи был его отец. Это был, наверное, самый плохой день стаи.

И снова ВУ задал себе один и тот же вопрос: «Зачем отец повел стаю в эти горы? Разве там была еда?».

Еды там не оказалось. Зато, там оказалось что-то, подкидывающее над стаей яркие огни, несущие смерть и грохот. Тогда впервые за все время растерялся отец, – и стая заметалась по открытой местности, а огни легко рвали плоть затравленных хищников.

Наверное, они погибли бы все, но Ву услышал чей-то далекий призыв и увидел в непреодолимой преграде малозаметную прореху.

Стая не сразу отозвалась на его клич, но отозвалась.

Вышли не все. Совсем не все. Кто-то был убит горячей осой, кто-то не пошел вслед за самозванцем, – и вышли только один из трех, – всего полтора десятка перепуганных квалтов. Вышел и отец. Вышел, – и лег к ногам Ву, признавая его первенство, а вслед за ним лег весь остаток стаи.

Численность стаи восстановилась через много-много трудных дней. Когда же стая полностью признала нового вожака, отец выполнил закон квалтов – ушел в далекие горы, где, наверное, и нашел свою смерть.

Теперь стая снова, теперь – по глупости, лишилась вожака. Ву издал протяжный вой. И тут же земля ушла из-под ног, так же как и во время того злосчастного броска. Но на этот раз Ву удержался на лапах.

Странно, но, кажется, он снова попал в другой, еще один, мир. Свет погас совсем. Пропали белые горы, а ноздри Ву забила едкая пыль.

Светилось только одно странное пятно, но и оно стало очень быстро тускнеть.

И Ву совершил еще одну ошибку, непростительную для вожака. Он потерял всякую осторожность, – и потому потрусил к угасающему пятну.

На пути встретилось препятствие в виде не очень большой белой горы, – и в этот раз инстинкт квалта сработал. Ву тревожно оглянулся. Горы вновь засветились на том же самом месте. Но гора перед ним не светилась, и Ву, как ни напрягался, не чувствовал присутствие в ней другой жизни.

Он обогнул гору, и испуганно попятился назад, – тем, где только что было светлое пятно, шевелился человек. Вся шерсть Ву встала дыбом.

Это был человек, но он был странен. Все люди, которых прежде встречал Ву, всегда были одеты в шерсть. Иногда шерсть была удивительной, цветастой, как луг, когда земля просыпалась после длительной засухи, порой она была похожа на шерсть квалта, – и пахла так же, либо это была шерсть других животных, но на них всегда была шерсть. Этот же человек был совсем голым. И у него не было ни длинного когтя, ни странной лапы с быстрыми когтями.

Но это был чужой мир, – и люди, возможно, здесь такая же еда, как в его мире длинноухи.

Это было еще одной ошибкой Ву, – нельзя думать про еду, когда ты не идешь на охоту. А у квалтов врожденное табу на охоту на людей.

Ву замер в нерешительности. Жизнь квалтов трудна и многосложна. Они не охотятся на людей, но часто случается так, что они вынуждены нападать на своих извечных врагов. Причин для этого много, но только не...

Нельзя думать про еду. Нельзя думать про еду.

Ву оглянулся. Над белыми горами засветился сумеречный рассвет. Наверное, в этом мире тоже два солнца, и тоже, наверное, встают в разных местах. Скоро наступит день – время пригодное только для охоты на зоманов, которые при дневном свете слепнут намного сильнее, чем квалты.

Нельзя думать про еду, но как про нее не думать, если брюхо уже сводит от голода, а другой еды нет.

И Ву решился. Он всегда отличался от других квалтов длинным и мощным броском, перед которым устоит только редкий, очень сильный, зоман.

Уже в полете Ву увидел, что у этого человека тоже есть длинный коготь.

2

Холод достал-таки его. Кто он? и зачем он здесь? – человек, как ни старался, вспомнить не мог. Нет, такое уже случалось с ним, но это воспоминание не принесло облегчения. Как бы то ни было, но в тесной скорлупе было уютнее.

Додумать про скорлупу он не успевал. Все-таки хорошо, что у него сохранилась возможность чувствовать опасность! И тело сохранило умение мгновенно собраться в мощный кулак. Правда, он не был совсем уж уверен, что они у него остались.

Он потянулся к поясу, но пояса не оказалось. Не было и привычной удобной одежды. Впрочем, в том, что она была, он тоже не был уверен. Но не мог же он быть ни с чем?

Он пошарил рукой около себя, и не нашел ничего, кроме длинной рогатины. Он слегка удивился, что так легко вспомнил, как она называется, и медленно притянул к себе. Кажется, опасность слегка отступила, но была совсем рядом, хотя и не просматривалась.

Придерживаясь за рогатину, он сел, прижав подбородок к коленям. Он не понял, зачем так надо делать, но почувствовал, что опасность исходит с правой стороны, хоть, и не ясен был ее источник.

Слава богу, он не встал. Тень, метнувшаяся на него, была огромна, – и, если бы он стоял, смяла бы его в мгновение ока. Но он был готов к нападению, и успел направить рогатину навстречу тени, оперев конец в камень. Рогатина выдержала удар, – и это спасло ему жизнь.

Бросок тени был мощным. Всего скорее, это был волк. Зверь налетел грудью на рогатину, и, по инерции, взлетел вверх. Тут же сзади человека разлилось странное искрение, – и зверь исчез в искрящейся дымке.

Менять что-либо было поздно. Он больно ударился грудью о длинный коготь. Дыхание Ву разом перехватило, – и он не успел испугаться, когда взлетел вверх, а затем влетел в огонь. Нет, длилось это, всего лишь, короткие мгновения, но это были страшные мгновения. И даже приземлившись на свои четыре лапы, Ву долго не мог опомниться. Шесть дымилась, искрила и противно пахла. Но он был в своем мире. В своем добром мире. Найти же стаю будет не так сложно.

5. Чужое имя

Почему-то с исчезновением зверя исчезло и спасшее жизнь чувство опасности. Возможно, здесь волки – охотники-одиночки, но, все равно, нет никаких оснований для самоуспокоения. Хотя бы до того момента, пока не узнает, где он, и зачем? Где-то на задворках сознания проскальзывали некие знания, но они были настолько неявны, что и не стоило тратить силы, чтобы ухватить за хвост хотя бы одно из них.

Солнце еще не поднялось, но вокруг посветлело достаточно, чтобы можно было осмотреться. Впрочем, особо и осматриваться не пришлось. То, что он принял за лес, оказалось небольшим парком вокруг дома с внушительным куполом наверху. Человека немного смутило, что парк окружен высокой глухой оградой, что подталкивает на определенные сомнения по поводу волка. Впрочем, возможно, это и не волк, а сторожевой, либо бродячий, пес. Правда, это, отнюдь, не снимало повода для беспокойства. Пусть, это и пес, но он может вернуться.

Человек инстинктивно посмотрел туда, куда улетел тот, скажем так, хищник. А за оградой ничего не было, вернее, над ней нависало некое Ничто. Человек беспомощно оглянулся. Нет, с другой стороны просматривались очертания белого города. Далеко, но то, что там был город, – так, это, и «к бабке не ходи».

Человек вздрогнул. Слишком уж странно пробуждалась память.

И пробуждалось любопытство. Человек безрассудно шагнул в сторону Нечто.

– Ту эйдо ай куаруй ла амбре.

Он резко оглянулся. Неподалеку от него стоял, опершись на посох, человек преклонного возраста.

– Что?

– Ту эйдо ай куаруй ла амбре. – Повторил человек, после чего нагнулся, поднял камень, и легонько метнул его в Нечто.

Тут же последовала короткая, и не слишком яркая вспышка, – и обоих осыпала мелкая сыпь щебня.

– Леапарзаутахостопера?

– Что? – Не понял человек.

А его визави, видимо, начал о чем-то догадываться.

– Куаралапла?

А он только развел руками.

Лицо его визави сделалось сначала весьма задумчивым, потом заинтересованным, потом просветлело. Годов, конечно, эта метаморфоза на лице не убавила, зато, придала черты привлекательной лихости.

Он сделал приглашающий жест, следовать за собой, и, не дожидаясь согласия, направился к домику.

Последующие несколько дней, – настолько интенсивно заполненных, что он сбился со счета, – прошли за беспрестанным изучением языка.

И вот наступило время сносного общения. Узнав, что гость ничего не помнит, Аймар То, – так звали приютившего его ученого и придворного свободного мага, – очень сильно расстроился, но, тем не менее, сохранил свою доброжелательность и гостеприимство.

А уже на следующий день последовало странное предложение:

– Два оборота Лоты назад мой сын ушел в Сумеречную зону. Ждать его возвращения уже бессмысленно, потому я объявляю тебя моим сыном Корном.

Какое-то подозрительное сомнение кольнуло сознание, но человек не мог не согласиться на предложение. Причин было несколько, но главная – та, что старику, как, оказалось, грозила опала из-за пропажи, – (или бегства?) – его сына. У Аймара То имеется довольно много недру-

гов во Дворце, готовых в любой момент «свернуть ему шею». И среди них сама царица, которой сильно претила строптивость Почетного Мага. Но Аймар был сильным магом и любимцем народа, и только очень серьезный повод позволял сделать это. Предательство сына, пожалуй, могло быть таким поводом. В Сумеречную зону Корн ушел по заданию Совета Магии, но должен был вернуться не позднее предыдущего месяца. Вероятно, о нем забыли, было, но вчера вдруг вспомнили. Царица не сумела открыть Обратную Дорогу, хоть, и обещала это, – и теперь требовалось найти виновного.

– А чем занимался ваш сын?

– Последнее время он вырубал на плите заклинание на дракона, охраняющего Заветный Кристалл. Его еще кое-кто называет возвратным камнем. Ты, думаю, ее видел во дворе. У Корна не хватило нескольких рун, потому он и отправился в Сумеречную зону.

Аймар То тяжело вздохнул, – и на этом разговор оборвался. Корн вышел во двор. Там, действительно, стояла высокая плита с вырубленными незнакомыми знаками. Тут же валялись поржавевшие зубила и различные молотки.

И снова Корн почувствовал тревожное беспокойство. Кажется, где-то он уже видывал такие знаки?

– Ну, что, старик? Задание Ее Величества выполнено? – Послышался из-за домика грубый окрик.

– Нет. Мой сын не нашел требуемых рун. – Голос Аймара То обиженно дрожал.

– А мне кажется, он и не искал их. – Взвился голос гостя.

– Не пред тобой ли мне отчитываться, молокосос?

– Ах, ты!

Корн успел вовремя, – короткая плеть уже взлетела вверх.

Ноги коня вдруг подкосились, – и его седок рухнул наземь через голову коня.

Конь тут же вскочил, и помчался прочь. Свита приезжего, было, едко рассмеялась, но смех мгновенно оборвался.

– Ты – кто? – Неуклюже поднявшись и лихорадочно шаря у себя на поясе, угрожающе спросил дерзкий визитер.

– Как, ты не узнал моего сына, Шейруш? – Удивился Аймар То. – Неужели он так сильно изменился?

– Это уже не имеет никакого значения. Если он – Корн, то должен знать, что обиды я не прощаю.

– Это я знаю. – Поддержал игру «Корн». – Но о какой обиде идет речь?

– Ты... Ты... – И Шейруш удивленно замер. Он догадывался, что Корн каким-то хитрым приемом сшиб его с коня, но не мог понять, как, и потому не мог предъявить достаточного обвинения? Да, и признаться, что кто-то смог это проделать с ним, начальником Дворцовой стражи и одновременно тайного сыска, тоже не мог. Но, самое обидное, его падение видели Глон и Чарл, те еще болтуны. Надо полагать, что о его конфузе уже вечером будет знать вся столица.

– Ты напугал моего коня. – Наконец, кажется, нашелся Шейруш.

– Не могу поверить, что такой большой начальник имеет такого пугливого коня. – Как-то слишком уж лениво возразил «Корн». – Да, к тому же еще и строптивного.

– Ты поедешь с нами. – Недовольно скривился Шейруш.

– С какой стати. – Напрягся «Корн». – Мне нужно работать.

– Тебя ждет Ее Величество. – Шейруш уже приноравливался к посадке на вернувшегося коня.

– У тебя есть письмо царицы? – Вступил в разговор встревоженный Аймар То.

– Его везет визирь, но он опаздывает. – Стушевался Шейруш. – Мы встретим его на обратном пути, и твой сын получит письмо.

– Нет, Шейруш. Порядок – есть порядок. И твое особое положение не дает тебе права его нарушать.

Слишком уж вспыльчивым был Шейруш. Но на сей раз конь не пострадал. «Корн» ловко перехватил плетть, – и Шейруш последовал вслед за ней и снова через голову коня. Но его сабля при этом вернулась со спины на свое законное место, – и теперь-то Шейруш нашел ее.

Аймар То побледнел. Он, как и многие другие, знал, что Шейруш никогда не умел сдерживать свою ярость. Ходят упорные слухи, что от его рук погибло много человек, – и лишь его более чем тесные отношения с королевой позволили ему избежать наказания.

Но теперь произошло невероятное. Кончик сабли Шейруша оказался у его же горла.

– Остановитесь немедленно.

Корн, не убирая сабли от горла Шейруша, обратил взор в сторону ворот, куда въезжал на повозке человек в расшитом золотыми звездами халате.

– Что здесь происходит?

– Корн показывает прием боя, каковой увидел в Сумеречной зоне. – Ответил Аймар То, поспешно помогая гостю спешиться. – Приветствую тебя, великий визирь.

– Брось, Аймар. – Небрежно отмахнулся рукой гость. – Нам ли придерживаться этих церемоний?

– Как же не придерживаться, если ты привез письмо королевы на арест сына. – Насупился Аймар То.

– Кто тебе такое сказал? – Удивился визирь. – Этот что ли? – Он, не скрывая небрежения, кивнул на Шейруша. – Перегрелся, наверное, на солнышке. Ее Величество, конечно, интересовалась, как идут у вас дела, но особо не торопила.

– Нашлись ли недостающие руны? – Обратился визирь к Корну.

– Увы, нет. – И Корну пришлось на ходу выдумывать оправдание. – Я же не мог открыто искать их.

– Но та плита, говорят, стоит открыто. – Визирь пытливо оглянулся на Шейруша.

– Открыто. Но она, всего скорее, стоит там так давно, что глубоко вросла в землю, – и нужные руны находятся как раз там.

– Это так? – Сердито спросил визирь Шейруша.

– Кажется, да. – Неуверенно согласился тот.

– Что еще удалось выяснить?

– Пока не знаю. Но есть подозрение, что в тексте имеются ошибки. – Вырвалось у «Корна». И его слова, надо сказать, потрясли и визиря, и Аймара То.

– Этого не может быть. – В один голос воскликнули оба. – Текст был подлинный.

– Возможно, кто-то специально сделал ошибку. – Снова само собой вырвалось объяснение.

– Пожалуй, так оно и есть. – И Аймар То, кажется, забыл про незваных гостей трусцой побежал на задний двор. И визирь поплелся следом.

Битый час они водили руками по плите, сравнивая текст с текстом на полуистлевшей бумаге. И, наконец, прекратили бесплодные попытки. Текст был старинный, давно вышедший из обихода из-за своей сложности. Увы, маги, которые могли бы вытащить его смысл из небытия, после известных событий были изгнаны их столицы и забыты.

Попытки-то прекратили, а сомнения, – да, что там сомнения!?! – остались.

С этими сомнениями и отбыл визирь, весьма неохотно отказавшись от обеда.

Проводив гостей, Аймар То вернулся на задний двор, и испытующе посмотрел на «сына».

– Почему ты решил, что в тексте есть ошибки?

– Честно говоря, я сам не знаю, почему так сказал. Я же и видел-то его, кажется, всего пару раз.

– Так, ты был в Астарторане?

«Сын» молчал, и Аймар То повторил:

– Ты там был?

– Мне кажется, нет. – Понурился «Крон». – Нет. Я не знаю, где видел текст. И, по-моему, очень давно.

Аймар То утешающе похлопал его по плечу, и, потерянно, пошел в дом.

– Территогудракомошамаетамьеалакондо.

Пораженный, Аймар То резко остановился.

– Кумиранагудракомошаросто... росто... росто. Это, точно, не та руна. – Возбужденно показывал на плиту «сын». – Тут должна быть, кажется, руна «Пта».

– А что здесь написано?

– Не знаю. Возможно, «Все держащие боги открывают эту дверь...». Нет, я не уверен.

– Не торопись, сынок. У меня, кажется, есть очень древняя книга. Может быть, она тебе поможет?

Старинная книга, извлеченная из шкатулки, оказалась еще более ветхой, чем тот клочок бумаги. Текст, нанесенный на рассыпающиеся в труху листы, был еле-еле различим, но «Корн» усердно всматривался в замысловатые фигуры. Увы, ничего не выходило, и он готов был постыдно сдаться.

Пытаясь вернуть книгу на место, он наткнулся взглядом на тусклый и, наверное, не менее древний, чем книга, перстень с необычным кристаллом слегка розового цвета.

Ему на миг показалось, что перстень этот очень знаком, но он поспешил отвергнуть глупую мысль. И, все же, рука, как бы, сама потянулась к интересной находке. А перстень тоже, как бы сам, наделся на палец. «Корн» тут же устыдился свое выходки, но, как ни бился, перстень с пальца так и не смог снять. За этим занятием его и застал Аймар То.

– Этого не может быть. – Растерянно прошептал старик. Он как-то разом обессилел, и безучастно опустил на скамью.

– Вам плохо? – Бросился к нему «Корн».

– Ничего. Скоро пройдет. – А сам не отрывал своего взгляда от пальца, на котором был перстень.

– Я его сейчас сниму. – Пролепетал «сын».

– Нет. Не надо. – Остановил его Аймар То. – Видимо, он дождался своего хозяина. – Прошептал он устало.

– Кто? – Не понял «Корн».

– Дракон Пта Са. – Аймар То, наконец, оправился от потрясения. – И... перстень.

6. Сказка?

Сказка ложь, да в ней намек.

То, что рассказал Аймар То, действительно, больше походило на сказку, нежели на легенду, которую все знают, но устали в нее верить.

Астрологи денно и ночью пребывали в обсерватории, пытаясь как можно точнее вычислить орбиту космического посланца. И каждый день их расчеты звучали, как приговор. Еще бы:

а) всего скорее, метеорит не разминется с Террой,

б) его размеры таковы, что все живое на Терре погибнет в течение нескольких дней.

в) если метеорит не разминется с Террой, то его удар придется по территории, которую занимает их народ.

Оставалось только одно: молить богов о легкой смерти. Малаи – не драконы, – они не могли летать высоко, тем более, летать на другие планеты. Нет, когда-то они умели летать, но время было неумолимо, – и люди были наказаны за свое высокомерие. Летать сами они разучились. Хорошо еще, что некоторые малаи издревле дружили с драконами.

А, может быть, и не хорошо. Не все драконы были миролюбивы. Особенно, в период спаривания. Да, и после его, когда драконам требовалось много пищи, чтобы восстановить свои силы. Они уничтожали ближайшие деревни, а люди, как могли, уничтожали их. Впрочем, драконы, что дружили с малаи, были не так воинственны, как те, что обитали высоко в горах. Но и они были вынуждены находиться в состоянии войны с людьми, ибо, с земли – все драконы одинаковы.

Увы, астрологи не могли ничем порадовать своего вождя. Метеорит вел себя странно. Он часто менял траекторию движения и то выпускал хвост, подобно кометам, то терял его. Не радовали и драконы. Эти удивительные создания имели небольшой мозг при их огромном теле, но, при этом, обладали способностями, недоступными для более высокоразвитых людей. И, прежде всего, это – способность летать с планеты на планету. Увы, эти планеты были мало приспособлены для жизни, – а, значит, не имели еды.

Кому первому принадлежала идея, перейти в другое время, уже не скажет никто. Возможно, драконам, которые иногда, ни с того ни с сего, отправлялись в другое время, а потом возвращались назад.

Нет, то же самое могли делать и некоторые малаи, но только с помощью древней-древней пирамиды, возвышающейся на берегу большого озера. Но это получалось не у всех и не всегда.

Идея была безумной, но заманчивой. Конечно, переправить такую уйму народа – и есть безумие. Да, и как определить координаты прибытия? Когда земля снова будет пригодна для жизни?

Аймар То разволновался не на шутку, – словно сам присутствовал при тех событиях, – и резко оборвал свой рассказ. Сначала он как-то бессмысленно смотрел в одну точку, потом медленно закрыл глаза. И только ровное дыхание говорило о том, что он жив.

А Корн не решился потревожить его сон, и осторожно поднялся со своего места.

– Некоторые старинные книги говорили, что в том, что произошло дальше, виновен сын вождя Са Тал. – Вдруг сказал Аймар То, все так же не открывая глаз. – Вопрос, конечно, спорный. Но без его открытия все могло пойти иначе.

– А что произошло? – Корн вернулся на свое место.

– Малаи почти никогда не летали в будущее. Сам понимаешь, почти никогда – не означает «никогда». Он-то летал и туда, и сюда, тем более со своим драконом Пта.

То, что они нашли, повергло всех в ужас. Там, где жили малаи, оказалась глубокая яма, на дне которой было пекло мертвой пустыни. Конечно, ему никто не поверил. И, если бы он не был сыном вождя, ему немедленно отрубили бы голову.

Но слово было сказано, – и это в корне изменило судьбу малаййцев.

Споры, как ты понимаешь, уже были жаркими, хотя никто не знал, как переместить столько народа во времени. А тут еще оказалось, что их, все равно, ожидает ужасная смерть.

Я, наверное, забыл сказать, что безжизненная пустыня была столь огромна, что всем было понятно, что и сбежать со своего насиженного места, все равно, не удастся.

А последний день приближался.

7. Вызов

– Эй, вы там? – Грубый окрик от ворот вынудил немедленно прекратить беседу.

Аймар То и Корн поспешили наружу.

У ворот нетерпеливо прохаживался Шейруш. Увидев спешащих хозяев, он криво усмехнулся:

– Думаю, вы знаете уже, что после посевной начнется время Отбора. По этому поводу царица собирает Совет. Придворному ученому надлежит на нем быть. Вот письмо царицы Астарты.

– Передай, что непременно буду. – Довольно сухо ответил Аймар То, бегло пробежав глазами письмо, писанное самой царицей, и повернулся, чтобы уйти.

– Это еще не все. – Скатился до высоких нот голос Шайруша. – В прошлый раз твой сынок оскорбил меня. Сильно оскорбил. Время Отбора уже объявлено, потому я не могу устроить Поединок Чести немедленно. Но он состоится, в Пятом Круге Отбора. Вот мой официальный вызов. – И он бросил к ногам Корна какой-то знак.

– Мой сын не должен участвовать в процедуре Отбора, ты это знаешь.

– Это вызов, старик. И он утвержден королевой.

– Он будет отменен советом. – Торжественно пообещал Аймар То.

– И все узнают, что твой сын – трус. – Захотел Шейруш, ловко вскочил на коня, – и умчался прочь.

– Мой сын не умел обращаться с оружием. – Тревожно проговорил Аймар То, когда Шейруш скрылся за ближайшим поворотом.

– А что мешало ему научиться? – Небдуманно веселым голосом спросил «сын».

– Слишком много он занимался книгами. – И, немного помолчав, Аймар То добавил. – И, пожалуй, был трусом. Я все еще удивляюсь, как он решился отправиться в Сумеречную зону.

– Я поговорю с королевой. – С нескрываемой скорбью в голосе закончил Аймар То.

– Нет. – Решительно возразил Корн. – Я не позволю позорить ни ваше, ни свое имя.

– Нет равных ему в фехтовании. В Пятом Круге Отбора он всегда побеждает. – Горечь в голосе Аймара То так и не исчезла.

– В который уже раз слышу про Пятый Круг Отбора, а что это такое, не представляю.

– Поговорим вечером. А мне надо отправляться на Совет. Не люблю опаздывать.

Аймар То вывел из ранее не замечаемой двери чудной предмет, слишком долго и тщательно на него усаживался, потом резво взмыл выше ворот и улетел в сторону города.

Корн остался один.

Минуло уже дней пятнадцать, пожалуй, как он оказался на этой планете. Полагать, что он – сын этого гостеприимного ученого не приходится, даже если предположить, что Сумеречная Зона изменила и его сознание. Нет, с этим миром он почти не знаком. Впрочем, и последнее утверждение не слишком обоснованно. Как можно судить о мире, когда провел эти дни в пределах ограды?

«Корн» бесцельно побродил по саду, постоял задумчиво около стелы с рунами, еще побродил по саду, и снова остановился перед стелой. Все-таки немного странно: он не знает этих рун, и, тем не менее, смог кое-что прочесть. Или, всего лишь, выдумал? Но он на все сто был уверен в своих словах.

Он присмотрелся к тексту. Нет, так и есть: «Все держащие боги доверили эту дверь дракону Пта...» Нет, на плите – не «дверь». Это ..., это ..., это – «Смерть». Такое, конечно, возможно, но он-то помнит, что здесь должно быть «дверь». Помнит? откуда? И почему Аймар То сказал, что Дракон Пта нашел своего хозяина?

И вдруг после последнего вопроса, «Корн» почувствовал резкий укол под перстнем, а затем щекочущее жжение. Он снова попытался торопливо снять перстень. Увы, это снова не удалось, зато, усилился зуд.

– «Дракон Пта нашел своего хозяина. И перстень тоже».

Ну, да, Аймар То сказал: «Дракон Пта». Нет-нет, он сказал: «Дракон Пта Са».

Дракон Пта Са. Пта Са Тал. Пта Са Тал А Корн...

«Корн» оторопел. Он ...? Он – Са Тал А Корн. Это его настоящее имя. Или нет? Неожиданное открытие вызвало головокружение и свист в ушах. Но вместе с этим словно начала спадать с мозга пелена, в которой он пребывал все эти дни.

Но то, что он как бы увидел, только все усложнило. Не смогла память пробиться глубже неправдоподобно белого луча, пронизавшего металлическую скорлупу. Или это был меч? Конечно, меч. Он легко разрезал доспех Са Тала, рыцарский шлем, и прошелся острием по коже. Острой струей брызнула кровь, вскипая и вспучиваясь, заливая небольшое пространство скорлупы.

Удивительно, но луч не стал довершать начатое дело. Кровь перестала кипеть, зато, начала превращаться в розовый прозрачный шар. Но на этом время удивления не закончилось. Шар, закончив свои метаморфозы, – и сразу же покатился по лезвию луча. Пленника шара несколько раз перевернуло с ног на голову, и он испугался, что разобьется о скорлупу. Но и этого не произошло. Ощущения, конечно, были малоприятные, если не сказать, совсем неприятные. И непонятные. Что это было? Он ли прошел сквозь скорлупу, скорлупа ли просочилась сквозь его тело, царапая острыми вкраплениями не пригодные для такой процедуры клетки, когда-то представляющие его тело.

Нет, конечно, это быстро закончилось. Новая странность: вся одежда застряла в скорлупе. Впрочем, вряд ли, она защитила бы своего владельца от смертельного холода. Увы, такого холода не выдержит ни один, «уважающий себя организм», – лучше уж – спать.

«Корн», и в самом деле, спал, прислонившись к стеле. Таким его и застал возвратившийся Аймар То.

Ученый внимательно выслушал исповедь «Корна», но, вероятно, он уже и сам обо всем догадывался, потому вопросов не задавал, а, лишь, сказал:

– Полагаю, тебе пока нужно оставаться Корном, то есть моим сыном. Это будет лучше всем, тем более что ты, как бы то ни было, – Корн.

– Я согласен. Но мне надо как-то познакомиться со страной.

– Позволь уж мне немного отдохнуть с дороги, а больше – от Совета. А рассказать все я обязан уже сегодня, поскольку завтра тебе нужно быть в столице, точнее, у королевы.

– Как? – Опешил Корн. – Почему?

– Потому что ты – мой сын, – Аймар То чуть-чуть помолчал и добавил, – который только что вернулся из Сумеречной Зоны.

– Откуда ты знаешь про стелу в Сумеречной Зоне? – Корн, полагая, что Аймар То отдыхает, невольно вздрогнул от вопроса за своей спиной.

– Поверьте, Аймар То, что я ничего не знаю ни про стелу, ни про Сумеречную зону. Я ничего не знаю и про эту страну, И боюсь, что завтра все и раскроется.

– Все бы ничего, если бы королева не была волшебницей. – Горестно покачал головой «отец». – Сумеречная Зона, как правило, сильно меняет людей: часто изменяет память, либо, вообще, ее стирает. Кое-кто полагают, что опасно долго находиться уже непосредственно вблизи ее границы. Но это, всего скорее, происходит оттого, что Зона способна выбрасывать свои щупальца – белые лучи, – и с их помощью затягивать в себя неудачно оказавшихся там людей.

– А как из нее выбраться?

– А это совсем не просто. Бывают всего несколько дней в году, когда солнца становятся на одной линии. Два с одной стороны, и третье – с противоположной. Наблюдается это в течение короткого времени. Узнать это можно по удивительному свечению барьера, да по землетрясению, которое, как правило, происходит уже в конце Противостояния Солнц. Увы, большая часть попавших в Зону назад не возвращается.

– А почему ее называют Сумеречной?

– Ответов на этот вопрос несколько. В начале там была столица. Нет, более чем столица. Произошло это еще до моего рождения, потому и рассказывают то, что известно по немногим книгам, которые чудом остались с этой стороны. Впрочем, многие, что там, что тут, не слишком достоверны. Многие неоднократно переписывались в угоду власти предрежащим, особенно, во время правления двух последних королей. Говорят, что где-то в старом Дворце сохранилась подлинная библиотека, но добраться до нее пока не могут.

Аймар То умолк, и долго-долго сидел с закрытыми глазами. Он, видимо, был где-то далеко-далеко, поскольку, когда открыл глаза, слишком удивленно посмотрел на Корна.

– Я не говорил, кажется, что переселились далеко не все? Говорят, не более тысячи человек. Возможно, больше, но не намного. В самый последний момент, когда Кристалл Рода уже начал «спеленывать» сознание людей, началась паника. Часть удалось вернуть, но в том-то и дело, что требовалась воля большого количества людей.

И тогда Са Тал и Пта призвали к переселению драконов. И драконы согласились.

То, что произошло дальше, разные книги рассказывают по-разному. Но все сходятся на одном: энергия кристалла была так велика, что вместе с людьми с «лица Терры» начала исчезать и земля. Все: сама земля, здания, вода, животные, птицы, рыбы. Вот, посмотри, как об этом пишет доктор Протасос. – Аймар То извлек с полки за невзрачной занавеской книгу в кожаном переплете. – Он один из немногих, кто не пошел на сделку с совестью.

Аймар То раскрыл довольно ветхую книгу на странице, отмеченной закладкой.

– «Я с ужасом в душе смотрел, как исчезает прямо предо мною все, что только что было моей страной. Вы видели, как тает горка сладкого песка, под которую пустили горячую воду. Да, что там? Это слишком упрощенно. Это всего лишь пересказ моего слишком посредственного ученика. Песок будет оседать в воду, и долго таять на ее дне. Здесь же все рассыпалось, крошилось, рушилось, истаивало. То, что было построено основательно, растворялось в небытии без особых повреждений, ветхие постройки крошились и рушились, как во время землетрясения. То, что происходило с людьми вокруг пирамиды с Родовым кристаллом, мне практически не было видно, а образовавшаяся трещина не позволила приблизиться к ним. А я должен был освещать все события. Я, все же, попытался это сделать. Это было моей ошибкой.

Здание, которое все еще держалось над трещиной в земле, и галереей которого я решил воспользоваться, начало исчезать подо мной подобно всему остальному. Меня подхватила неведомая сила и повлекла по незнакомым лабиринтам. Сначала я задыхался от непроглядной пыли. И мне стало очень страшно. Я всего лишь слабый человек, пылинка, коей так много было вокруг. Беспредельный страх обуял мной. Я рванулся, было прочь, и, всего лишь, усилил свои физические и душевные страдания.

Поверьте, мой страх был так велик, что я потерял сознание.

Когда же сознание ко мне вернулось, мне стало еще страшней. Я был, буквально, вмурован в небольшую нишу, которую беспрестанно потряхивало. Она покрывалась многочисленными трещинами, и я понял, что она вот-вот рассыплется. Но, удивительно, она держалась, – и мне стало казаться, что теперь мне суждено быть погребенным в ней заживо.

Я, наверное, очень сильно орал, – меня, несмотря на весь хаос, услышали. Мой «склеп» разбили, – и меня освободили. Но то, что творилось снаружи, оказалось не намного лучше.

Вокруг меня в потоках грязи барахтались люди и звери. Отовсюду слышались призывы о помощи, – и слышать это было тяжело, хотя не менее тяжело было помочь беднякам».

Аймар То перелистнул несколько совсем ветхих страниц.

– Ага, вот.

«Мне стало не по себе, когда надо мной клацнули челюсти дракона. Только чудо спасло меня от неминуемой гибели: кидаясь на меня, дракон не удержался на лапах, – и рухнул в грязевый поток, который, похоже, обрел уже силу и направление. Но этот поток уносил не только моего хищника, но и разные узлы с вещами, скот, людей.

Мне все время казалось, что твердь под ногами мнима, что в любой момент погружусь в ту самую пучину, уносящую чьи-то надежды и жизни. К счастью, этого не случилось. И я, увлеченный общим порывом, спас более десятка бедолаг из бурного потока. И, уже походя, выхватывал из того же потока различные узелки, узлы, доски, и прочие вещи, могущие помочь отчаявшимся людям.

Мы трудились, пока не стемнело. Легкие землетрясения лишь изредка сотрясали землю, – и усталые люди, хоть, и с опаской, но потянулись к уцелевшим домам, чтобы упасть бессильно на пол, – и забыться тревожным сном. Таким был первый день новой жизни».

В это трудно поверить, но Протасос описал все очень достоверно. У меня всегда мурашки бегут по коже, когда читаю эту книгу.

– У меня тоже – Согласился Корн. – Но вы хотели прочесть про Сумеречную зону.

– Извини, ничего не могу с собой поделаться, – всегда увлекаюсь, как неразумное дитя. Сейчас найду. – Он принялся перелистывать книгу, не замечая, как крошатся под его пальцами листы. – Вот. Нет, не то. Снова не то. И это – не то. Ага, вот.

«Кто же мог подумать, что некогда союзники станут врагами. Первыми начали драконы. Растительная пища, хоть, и начала она расти удивительно обильно, им быстро приелась. Дикие животные были пугливы и осторожны, – и умело скрывались в густых кустах. Драконы принялись сначала нападать на домашний скот, а затем и на людей. И люди начали роптать и отказываться выходить на полевые работы. Тогда же стихийно организовалась группа охотников, и прежде относившихся к драконам с неприязнью.

Увы, остановить их не мог никто. Судьба старого вождя неизвестна. Впрочем, как и его сына, который должен был встречать народ в будущем.

Новый правитель племени, Сурануа, – а народ не стал избирать его новым вождем, надеясь, что либо старый вождь, либо его сын вернутся, – сам был противником драконов.

И первая битва людей с драконами произошла. Случилось это на пятьдесят седьмой день нового времени. Драконы проиграли, поскольку так полностью и не восстановили свою способность изрыгать огонь. Но бились они отчаянно. По различным подсчетам было убито от десяти до восемнадцати драконов. Но и охотников уцелели единицы. И люди, кажется, сошли с ума. Как только стали известны результаты первой битвы, разъяренная толпа направилась убивать и ручных драконов. Но это битве было не суждено произойти. Дракон Пта, который неотступно находился в малом Дворце возле Кристалла Рода, или Камня Крови, как иногда его называют, вовремя заметил опасность, и успел закрыть весь Дворец непроходимым барьером.

Толпа бесновалась, но пройти сквозь барьер не смогла. Но и драконы не смогли вылететь за пределы барьера.

И все же, гнев людей постепенно угас, – тем более что, хозяева ручных драконов были людьми влиятельными, – и драконы смогли вылететь за пределы барьера. Но люди не вернулись в свои Дворцы. Вернее, вернулись, чтобы перевезти камень для строительства новых жилищ возле вновь построенного Дворца. И только Главный и Малый Дворцы остались на своих местах.

Мирное сосуществование продлилось до следующего года. Но теперь первыми начали люди. Год оказался неурожайным. К тому же начал болеть странной болезнью домашний скот. И вину за это люди возложили на драконов.

К тому времени драконы вновь обрели свое главное оружие. Я, наверное, не сказал, что драконы легко проникали через барьер.

Пта уже не смог удержать сородичей от кровавой мести. Но он сумел предупредить людей.

Эта битва продолжалась семь дней и ночей. Драконы жгли деревни, уничтожали скот и посеvy. И тогда против них поднялись прирученные драконы, оттого эту битву называют еще и битвой драконов. И эта схватка, говорят, уполовинила оба войска.

Я не знаю, что произошло внутри барьера. Но в одну из ночей люди увидели, как он начал переливаться всеми цветами радуги. Потом над ними взмыл дракон и провозгласил:

– Вы обидели нас, люди. И отныне мы покидаем вас. Ваш родовый камень будет сохранять Пта, – и пока он жив, вы можете надеяться, что выживете, нет, – никто не сможет предсказать вашей судьбы. Прощайте.

И люди увидели, как драконы один за другим начали взмывать в небо, и пропадать в серой дымке.

А после их отлета пространство внутри барьера словно бы покрылось туманом. И начались там частые и странные видения Дворцов, лесов. Кое-где выделись высокие красивые водопады, какие остались на земле. А возле них разгуливали диковинные звери».

Аймар То осторожно закрыл книгу. – С момента написания этой книги сменилось несколько поколений. Но эти видения можно наблюдать до сих пор. А сама Сумеречная зона значительно расширилась. Связано ли это с появлением третьего солнца? Возможно.

– А если Сумеречная зона поглотит все пространство?

– Не исключено. Не исключено. – Задумчиво повторил он. – Постоянная борьба за власть привела к тому, что на той стороне по той, или иной причине оказались многие сильные маги, впрочем, и некоторые волшебницы тоже.

Дом Астарты, создав своеобразную гармонию в обществе, его же и подмяло под себя. Любое развитие общества идет только так, как его представляет царица.

– А цари? – Удивился Корн.

– Цари? Увы, они оказались недальновидны. Вместо того, чтобы объединить магов и ученых, из-за боязни конкуренции, которая, естественно, существовала всегда, уже начиная с Локота, пошла постоянная травля и извод конкурентов. Ложные доносы стали едва ли не основным средством борьбы. Но превзошел всех Лупарх, который, кстати, не был истинным магом. Возможно, это и послужило толчком к беспощадной охоте на строптивых магов.

– Но маги ведь легко могли доказать свою невиновность?

– Доказательств особенно и не требовалось. Случился неурожай – виновны колдуны. Пала скотина – тоже они. Дикие звери загрызли пастуха – ответ все тот же. А поднять народ к отмщению – задача слишком легкая. И попробуй маг оказать сопротивление – месть будет очень жестока. И маги ушли: многие – за Сумеречную зону, но кое-кто – и в саму зону.

Последствия ухода магов сказались очень быстро, причем, на всем, ведь еще на Терре маги сполна подчинили себе силы природы. Оттого и процветало племя. Да, и здесь жизнь быстро вошла в норму, благодаря им. Ушел маг, опекающий артель хлеборобов, – стало некому «водить дождь», – и хлеб полностью вымок, либо, засох на корню. И народ снова зароптал, требуя вернуть магов.

Сменивший Лупарха Просокл либо не смог их уговорить, либо не пытался. Он, конечно, собрал кое-каких, еще не изгнанных, магов, но их Силы не хватило для коренных перемен. К тому времени продолжительность жизни людей возросла до двухсот, а порой и до пяти-сот лет. Не знаю, как это соотносится с продолжительностью жизни на Терре, но насколько велика была радость поднявшихся на вершину жизни, настолько сильна была ненависть тех, кто не смог выбраться из нищеты и бесправия. Особенно, женщин. Я, кажется, не сказал, что еще при Локоте была введена повинность для женщин. Каждая, достигшая детородного воз-

раста, женщина должна была родить от хозяина ребенка, чтобы получить право иметь своих детей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.